200
А-16

Н. Я. АБРАМОВИЧЪ.

РЕЛИГІЯ ТОЛСТОГО.

242

ИК

200
А-16

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
І. А. МАЕВСКАГО.

РЕЛИГІЯ ТОЛСТОГО.

Книгоиздательство І. А. МАЕВСКАГО.

Москва, Скатертный пер., 27. Тел. 530-33.

Джэкъ Лондонъ.

Полное собраніе сочиненій, 22 тома.

Цѣна 23 р. 75 к.

Альфонсъ Додэ.

Полное собраніе сочиненій, 20 томовъ.

Цѣна 25 руб.

Онорэ де Бальзакъ.

Полное собраніе сочиненій, 16 томовъ.

Цѣна 18 р. 50 к.

Леонардо да Винчи.

Роскошное изданіе съ 30 иллюстраціями.

Цѣна 3 руб.

Флорентійскія чтенія.

ИТАЛЬЯНСКАЯ КУЛЬТУРА.

I. Зарницы. | III. Возрожденіе. | V. Сеиченто.
II. Треченто. | IV. Чиндвеченто. | VI. Сеттеченто.
VII. При революціи и имперіи.

Цѣна 17 р. 50 к.

Н. Я. Абрамовичъ. Христосъ Достоевскаго.

Цѣна 60 коп.

Н. Я. Абрамовичъ. Религія Толстого.

Цѣна 60 коп.

Н. Я. АБРАМОВИЧЪ.

К+К
Ко
П 34 Г.
Эк

Н. Я. АБРАМОВИЧЪ.

РЕЛИГІЯ ТОЛСТОГО.

49
200
А 16
Московская Центральная
Публичная Библиотека

Изд. І. А. Маевскаго.
МОСКВА — 1914.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульваръ, собств. домъ
1914.

ОТЪ АВТОРА.

Настоящій трудъ о Толстомъ представляетъ собою сводку религіозныхъ и философскихъ воззрѣній писателя, опредѣляющихъ собою въ цѣломъ его ученіе, его жизненную религію.

Толстой въ своихъ работахъ менѣе всего является систематикомъ; его заботой постоянно являлось не послѣдовательное и полное выраженіе своего идейнаго міра, а проповѣдь, настойчивое изъясненіе той или иной изъ принятыхъ имъ нравственныхъ основъ своего ученія. Проповѣдникъ всегда пересиливалъ въ немъ мыслителя; протестантъ и учитель въ немъ спѣшили использовать въ цѣляхъ непосредственной жизни каждое утвержденіе и каждое отрицаніе теоретика. Сидѣнію въ тихой философской кельѣ предпочиталъ онъ работу сѣятеля на открытомъ жизненномъ полѣ.

Отсюда противорѣчія въ частностяхъ ученія Толстого, отсюда же раздробленность, разбросанность основныхъ чертъ ученія мыслителя. Для того, чтобы возвести болѣе или менѣе полное и стройное зданіе его ученія, нужно рыться во всѣхъ его богословскихъ и философскихъ трудахъ, черпая от-

туда драгоцѣнныя частности и соединяя ихъ съ другими лично-толстовскими оригинальными идеями и воззрѣніями, почерпнутыми изъ иныхъ его книгъ. Необходимость такой систематической работы станетъ вполнѣ ясна, если окинуть общимъ взглядомъ колоссальную по сложности внутреннюю жизнь писателя, если вспомнить о всѣхъ его путяхъ и перепутьяхъ. Рѣка его жизни не знала спокойнаго и единообразнаго движенія, а неслась и въ старости напряженнымъ и мощнымъ теченіемъ. Понятно, что онъ не могъ оставить намъ труда, въ которомъ отразилась бы послѣдовательно и полно вся работа его духа. Ученіе Толстого нужно искать не въ какомъ-либо отдѣльномъ произведеніи, а во всей совокупности его художественныхъ и религіозно-философскихъ работъ.

Посильному осуществленію задачи собрать во едино разрозненныя черты ученія Толстого, такимъ образомъ, чтобы выдвинуть все личное и оригинальное въ этомъ ученіи,— посвящена настоящая работа. При чемъ авторъ не отдѣляетъ Толстого-мыслителя отъ Толстого-художника, и матеріалъ теоретическій использовалъ въ связи съ обильнымъ матеріаломъ, почерпнутымъ изъ художественныхъ произведеній писателя

Религія Толстого.

ГЛАВА I.

ПУТЬ ЖИЗНИ И МЫСЛИ.

I.

Толстой-художникъ показалъ намъ, съ какой силой ощущалъ онъ съ дѣтства свою человѣческую неправоту, мучительную неправильность поступковъ, словъ, чувствъ. Чья-то невидимая рука давила на дѣтское сознаніе. И смутное представленіе о какомъ-то единственно-правильномъ и необходимомъ пути заставляло опредѣленнымъ образомъ поступать, и соединялось съ легкимъ и радостнымъ жизнеощущеніемъ.

Когда Толстой сталъ и старымъ и мудрымъ, эти два рычага его внутренней жизни остались во всей своей силѣ, и все такъ же опредѣляли его жизнь. Они подготовили неизбѣжное тяжкое столкновеніе съ міромъ и тѣ «долгіе и бурные споры съ нимъ», о которыхъ онъ самъ говоритъ.

Этихъ споровъ и столкновеній не было бы, если бы Толстой остался вѣренъ безсознательному дѣтскому идеалу личной безгрѣшности и правоты. Съ какой отрадой и за-

вистью смотрѣлъ маленькій Николинька изъ «Дѣтства и Отрочества» на юродиваго Гришу, гремѣвшаго своими веригами и впадавшаго въ темной комнатѣ у иконы въ страстный, длительный экстазъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь здѣсь уже было то самое разрѣшеніе всѣхъ сомнѣній, тотъ выходъ изъ смертельной тоски, какой былъ найденъ писателемъ лишь послѣ столкновенія и послѣ непримиримой и страшной борьбы съ міромъ. Борьбы съ міромъ нѣтъ, разъ человѣкъ говоритъ: «я призванъ спасти только самого себя», или: «главное и окончательное дѣло каждаго только осуществить себя и выполнить свою задачу». Съ такимъ утвержденіемъ уходятъ въ пустыню, въ глушь лѣса, спасаются въ уединеніи отъ міра и не мучаютъ себя тѣмъ, что тамъ, въ мірѣ—людей калѣчатъ, уродуютъ ихъ души, поливаютъ сѣрной кислотой самый цвѣтъ молодыхъ жизней, ихъ стебли, ихъ листья, ихъ почки. Пустынникъ утвержденъ и замкнутъ самъ въ себѣ, и міръ для него оправданъ и данъ весь въ истинѣ постольку, поскольку онъ самъ приведенъ къ истинѣ и живетъ въ ней. Въ мірѣ можетъ твориться все, что угодно, его могутъ заливать кровью и въ немъ могутъ самымъ чудовищнымъ образомъ насиловать человѣческія сознанія и превращать въ кошмаръ жизнь милліоновъ людей. Но если душа пустынника озарена благодатью

познанной и правящей жизнью истины, то для него и кровь и кошмары—легко устранимое недоразумнѣіе, которое долженъ понять человѣкъ. Долженъ, ибо въ немъ заложено понужденіе къ этому пониманію, въ немъ съ могучей силой дѣйствуетъ императивъ къ истинѣ.—Будь только вѣренъ своей душѣ. Она приведетъ тебя къ Богу.

Тогда-то въ успокоенной и утвержденной душѣ создастся молитва, въ родѣ той, что написалъ для себя Толстой:

«Вѣрю, что мнѣ поручены и дѣло Твое и сила Твоя. Дѣло же Твое въ томъ, чтобы проявить Тебя въ себѣ и въ мірѣ».

Но Толстой отклонился отъ дѣтскаго идеала. То захватываемый въ юности могучими чувственными влеченіями, то возвращающійся, съ тоской «паденій» и бурнымъ протестомъ противъ нихъ, къ себѣ, въ мірокъ своего сознанія, своихъ внутреннихъ дѣлъ и задачъ, онъ рѣшаетъ въ концѣ-концовъ начать борьбу съ міромъ, но частичную, маленькую, скромную, путемъ труда, путемъ улучшенія жизни соприкасающихся съ нимъ людей. Онъ хочетъ рѣшить свою душевную задачу дѣйствованіемъ, работой рукъ, помощью внѣшней. И очень скоро возвращается отсюда разбитый на голову своей же внутренней неудовлетворенностью, пустотой и тоской. Но

вотъ его со страшной силой захватываетъ «соблазнъ творчества», соблазнъ искусства.

На него еще вліяетъ оцѣнка общая, человѣческая, внѣшняя; онъ не можетъ справиться съ упоеніемъ растущей славы, признанія, извѣстности. Въ «Исповѣди» онъ достаточно опредѣленно говоритъ объ этомъ. Наконецъ, съ женитьбой и устройствомъ теплаго человѣческаго гнѣзда, его окончательно захлестываетъ личное, свое; онъ готовъ отстаивать и защищать свое счастье, свое наслажденіе, свои могуче захватившія его жизненныя удовлетворенія. Художественное творчество и семейный уютъ совершенно заполнили на нѣсколько лѣтъ его жизнь. Онъ самъ признается, что въ это время былъ «пьянъ жизнью», былъ захваченъ ею неотразимо, предаваясь только силѣ и радости удовлетвореній.

Но проходитъ опьяненіе—и снова вліяніе той же внутренней силы сказывается въ его жизни, и опять стоитъ онъ передъ невозможностью жить безъ оправданія всего міра и себя въ немъ.

Подъ нимъ проваливаются всѣ его устои—и писательскій, и семейный, и непосредственно-жизненный. Извнутри кто-то подточилъ всѣ его устои, какъ древесный жучокъ подтачиваетъ дубъ; то, чѣмъ онъ жилъ въ эту эпоху метаній и пустоты, было горечь, воз-

мущеніе противъ страшнѣйшей тяжести—тяжести безсмысленной, безвкусной, пустой жизни, полной удушья и смертельной тоски. Нѣкоторые изъ критиковъ Толстого находятъ самымъ цѣннымъ въ немъ именно эти тоскливыя метанія, эту тоску, этотъ могучій протестъ противъ пустоты, заставлявшій смотрѣть на веревку и на ружье, какъ на трудно преодолѣваемый соблазнъ. Но въ этомъ метаніи, кромѣ смертельной тоски, кромѣ чувства полной невозможности жить—нѣтъ ничего.

«Жизнь моя остановилась. Я могъ дышать, ѣсть, пить, могъ не дышать, не ѣсть, не пить, но жизни не было. Если есть у меня не желанія, но привычки прежнихъ желаній въ пьяныя минуты, то я въ трезвыя минуты знаю, что это обманъ, что нечего желать... Истина есть то, что жизнь есть безсмыслица. Я жилъ, жилъ и ясно увидѣлъ, что впереди нѣтъ ничего... и остановиться нельзя, и назадъ нельзя, и закрыть глаза нельзя, чтобы не видѣть, что ничего нѣтъ».

Если существуетъ «Князь міра сего», то у него должны были руки опуститься послѣ безнадежной борьбы съ этимъ человѣкомъ. Чѣмъ только не наполнялъ онъ жизнь писателя: и богатствомъ, и славой, и любовью, и завѣтнымъ трудомъ, и всѣмъ, что можетъ до краевъ насытить человѣческую жизнь, за-

чѣмъ безумно бѣгутъ люди, дрожа отъ одного предвкушенія частицы этихъ благъ. Послѣ автора Экклезіаста, это второй примѣръ въ литературѣ бездонности человѣческаго духа, не насыщаемаго ничѣмъ во внѣшнемъ мірѣ, поглощающаго всѣ блага безплодно, какъ бочка Данаидъ поглощаетъ выливаемую въ нее влагу.

Человѣка нельзя насытить внѣшнимъ, онъ будетъ смертельно тосковать и захочетъ умереть на самой вершинѣ благъ и даровъ. Какъ будто это внѣшнее удовлетвореніе разжигаетъ въ немъ съ неслыханной силой жажду иного, отъ мученій которой человѣкъ ищетъ спасенія въ смерти.

Объ этомъ, съ простотой и силой почти библейской, говоритъ Толстой: «Со мной сдѣлалось то, что я почувствовалъ, что я не могу больше жить».

Какъ-будто съ какой-то страшной высоты отчужденно посмотрѣлъ онъ на весь человѣческій муравейникъ и увидѣлъ все безцѣльнымъ, игрушечнымъ, обманнымъ, чѣмъ можно забавляться только въ самозабвеніи минутнаго желанія, временныхъ алканій, только въ краткую минуту опьяненія.

«Можно жить только покуда пьянъ жизнью, а какъ протрезвишься, то нельзя не видѣть, что все это глупый обманъ».

Вѣроятно не безъ вліянія Шопенгауэра,

которымъ одно время сильно увлекался Толстой, произошло то, что человѣкъ сильнаго ума и громадной воли, сознательно прокладывавшій себѣ дорогу въ опредѣленныхъ областяхъ жизни и добившійся многаго, что высоко цѣнилъ,—вдругъ остановился на серединѣ пути и сталъ съ мучительнымъ недовѣріемъ осматриваться вокругъ, ища слѣдовъ невидимой, враждебной Воли, затянувшей его въ эту обманчивую и тяжелую комедію.

«Невольно мнѣ представилось, что тамъ гдѣ-то есть Кто-то, который теперь потѣшается, глядя на меня, какъ я 30—40 лѣтъ жилъ, учась, развиваясь, взрастая тѣломъ и духомъ, и дошелъ до вершины жизни, съ которой видна вся она, и дуракъ дуракомъ стою на этой вершинѣ, ясно понимая, что ничего въ жизни нѣтъ, не было и ничего не будетъ».

Жалкой комедіей признано художественное творчество и успѣхъ его въ мірѣ, семейное счастье, внѣшнее благополучіе, весь строй такъ называемой культурной жизни; всѣ ея цѣнности—только аксессуары этой пошлой человѣческой комедіи, въ которой лжи, фальши, тупости и нравственнаго беззаконія столько, что ихъ достаточно, чтобы задохнулся отъ отвращенія весь міръ.

Толстой нетерпимо отворачивается отъ этого міра, въ которомъ началъ уже задыхать-

ся. Ему, великому художнику, виднѣе всего было, каково отношеніе міра къ художественному творчеству, за которое платятъ большія деньги и вознаграждаютъ почетомъ и удивленіемъ. Быть можетъ, въ значительной степени его отреченіе отъ чистаго художества объясняется не имъ самимъ, не художествомъ по существу, но тѣмъ, что оно служитъ въ современномъ мірѣ какой-то жалкой игрушкой богатыхъ и внутренно праздныхъ, что оно лишено высокихъ жизненныхъ цѣлей, что оно не вліяетъ на жизнь, не преображаетъ ее, не слито съ ней воедино, не течетъ двумя рѣками параллельными—рѣкой творчества и непосредственной жизни—въ единый океанъ полнаго и вѣчнаго жизненнаго осуществленія. Въ самомъ дѣлѣ, для художника такого размѣра, какъ Толстой, не могло не быть нестерпимымъ то, что творчество приноситъ только деньги и только славу и внѣшній ореолъ. Искусство должно вліять на жизнь—иначе оно не искусство, таковъ его завѣтъ теперь. Какъ молитва, какъ ураганъ, какъ знаменіе небесное, оно должно потрясать людей, перестраивать ихъ душу и ихъ жизнь. То, что дѣлаютъ теперь съ искусствомъ, до послѣдней степени пошло и грязно. Толстой открыто возмутился. Онъ нашелъ, что служить этому искусству нельзя, какъ нельзя ни одной минуты дышать въ отравлен-

номъ ложью воздухѣ, такъ называемаго, культурнаго міра.

Наука честнѣе; но она невыносима, ибо замыкаясь въ безвыходный кругъ безплоднаго верченія, она не считается съ человѣкомъ и его жизнью, она занята собственными задачами и цѣлями, и ученые, какъ маньяки, поглощены только отвлеченными вопросами науки самой въ себѣ, безотносительно къ проклятымъ вопросамъ человѣческой жизни. Это такая же игра, какъ и все въ жизни, и необходимо сперва окончательно обмануть себя, повѣрить въ игру, какъ въ реальную дѣйствительность, чтобы заниматься ею.

Толстой возвѣстилъ безжизненность эмпирическаго и раціоналистическаго методовъ познанія міра, опредѣливъ тотъ методъ внутренняго, интуитивнаго познанія, который теперь утвержденъ блестящими представителями философской мысли.

Ни философія, ни опытная наука не отвѣтятъ ему на вопросы: Зачѣмъ міръ? Почему я? На пути этого такъ называемаго разумнаго знанія Толстой нашелъ «отрицаніе жизни», точно также, какъ на пути вѣры—отрицаніе разума.

Между тѣмъ «опьяненіе жизнью» безвозвратно исчезло еще и потому, что старость овладѣвала могучимъ организмомъ, который все же изнашивался. «Я почувствовалъ, что

Московская Центральная Публичная Библиотека

не развиваюсь, а ссыхаюсь, мускулы слабѣютъ, зубы падаютъ» и т. д.

Среди всего, что окружало его, душу тянуло къ простому, къ нелживому, точному. Жажда простого и правдиваго была очень большой и очень тоскливой. И фактомъ огромнаго и потрясающаго значенія была для Толстого жизнь сѣрой мужицкой массы, эта вереница угрюмаго и смиреннаго люда, проходящаго мимо него по большой дорогѣ жизни, окруженнаго ровнымъ свѣжимъ воздухомъ земли. Они, эти тяжелые, эти несчастные, смиренно и грубо живущіе люди могли себѣ позволить неслыханную роскошь: быть внѣ лжи, внѣ фальши, внѣ всѣхъ этихъ путъ «шутовского» культурнаго мірка. Самый фактъ существованія этого сѣраго, простого міра былъ уже опорой, отрадой для души художника, который въ своей чисто художественной работѣ предвосхитилъ моментъ личной внутренней жизни, разсказавъ о томъ, какъ Платонъ Каратаевъ тѣмъ лишь однимъ, что онъ жилъ, далъ жизнь душѣ Пьера Безухого, и показавъ тѣмъ самымъ, какъ опасно отдѣлять Толстого художника отъ Толстого мыслителя.

«Я оглянулся шире вокругъ себя. Я вглядѣлся въ жизнь прошедшихъ и современныхъ огромныхъ массъ людей. И я видѣлъ такихъ понявшихъ смыслъ жизни, умѣющихъ

жить и умирать, тысячи, милліоны... И всѣ они... противоположно моему поведенію—знали смыслъ жизни и смерти».

«Жизнь нашего круга—богатыхъ, ученыхъ—не только опротивѣла мнѣ, но потеряла всякій смыслъ. Всѣ наши дѣйствія, разсужденія, наука, искусство—одно баловство, искать смысла въ этомъ нельзя. Жизнь же всего трудящагося народа представилась мнѣ въ ея настоящемъ значеніи. Я понялъ, что это—сама жизнь и что смыслъ, придаваемый этой жизни, есть истина. И я принялъ его».

«Я сталъ сближаться съ вѣрующими изъ бѣдныхъ, простыхъ, неученыхъ, со странниками, монахами, раскольниками, мужиками»...

Въ этотъ міръ тянуло могуче еще и потому, что полоса безвѣрія, отчаянія и пустоты создавала пытку, которую не было силъ переносить. Исканіе той соломинки, за которую можно было схватиться въ этой тоскѣ, въ этомъ чувствѣ гибели своей, заставило его съ отрадой глубочайшей обратиться къ большому, тихому мужицкому міру, который казался утвержденнымъ въ жизни, стоящимъ на чемъ-то прочномъ, живомъ, между тѣмъ какъ все остальное было безъ устоевъ и грозило проваломъ въ бездонную пустоту.

Но эта безпомощность является въ то же время истиннымъ выраженіемъ геніальной

души;—для того, чтобы отъ той сложности культуры, которую Толстой еще углубилъ своими творческими силами, еще болѣе осложнилъ своими замыслами и работами, прійти къ этому первобытному состоянію души, взывающей къ Богу, ищущей единой простой правды, сметающей все между собою и Богомъ,—нужно было движеніе души обладающей инициативой и мощью геніальной.

Путь мыслителя былъ предопредѣленъ тоскливымъ и бурнымъ влеченіемъ его души, ощутившей неодолимую потребность въ укрѣпленіи жизни на простомъ, единственно правильномъ и вѣчномъ. Иначе жить онъ не могъ. Въ душѣ его былъ голодъ галилейскихъ рыбаковъ, который удовлетворялъ Благовѣститель изъ Назарета. Но голодъ этотъ остался неудовлетвореннымъ. Вся литературная дѣятельность Толстого была суррогатомъ истиннаго его пути. Его идеей и призваніемъ было—выйти на свободную дорогу безконечнаго роста и осуществленія божественнаго въ человѣческомъ «я», просвѣтлить это «я» до полнаго и чудеснаго озаренія солнцемъ Евангельскаго ученія, которое онъ признавалъ божественнымъ. Толстому нужно было жить одинокимъ, бѣднымъ, вдохновеннымъ старцемъ, какъ бы вѣчно стоящимъ подъ тепломъ и свѣтомъ ученія Христа. Такую жизнь писатель мыслилъ какъ полное блаженство, какъ

предѣлъ желаній, не разъ указавъ, что крестъ, который онъ несетъ на себѣ, это отказъ отъ такой свободной и осуществленной жизни. Вмѣсто того, чтобы жить, онъ занялся изложеніемъ основъ правильной жизни, замѣнивъ ее литературой.

Это стало возможно только позднѣе, только тогда, когда мучительный голодъ души и ея чувство пустоты и гибели были смягчены и почти уничтожены работой надъ найденными новыми утвержденіями.

Въ эту эпоху метанія и поисковъ настоящаго жизненнаго утвержденія, Толстой обладалъ аргументами неоспоримой достовѣрности, доставляемыми ему его душевнымъ состояніемъ. Онъ чувствовалъ полный расцвѣтъ жизни, подъемъ силъ и желаніе жить, утверждаясь на существованіи Бога, «какъ силы, во власти которой я нахожусь». Когда же сомнѣнія уничтожали эту увѣренность, «пропадало то, что нужно для жизни, я приходилъ въ ужасъ». «Я молился и чѣмъ больше, тѣмъ яснѣе чувствовалъ, что нѣтъ никого, къ кому можно было обратиться».

Утверждаясь въ Богѣ, оживалъ, и, отрицая его, впадалъ въ отчаяніе и смерть.

«Что же такое эти оживленія и умиранія? Вѣдь я не живу, когда теряю вѣру въ Бога, и живу, истинно живу только тогда, когда чувствую Его и ищу Его. Такъ что же

я ищу еще?—воскрикнулъ во мнѣ голосъ.—Такъ вотъ Онъ. Онъ,—то, безъ чего нельзя жить. Знать Бога и жить—одно и то же. Богъ есть жизнь».

Таковы неотразимые аргументы существованія Бога: если есть Онъ—я живу, если Его нѣтъ—я жить не могу, я долженъ умереть.

Если оглядѣть всю жизнь Толстого отъ юности его, всю жизнь, художественныя свидѣтельства о которой онъ намъ оставилъ, то нельзя не увидѣть, что могучее внутреннее понужденіе гнало его съ суровой силой къ какому-то единому источнику жизни. Соблазнъ и самозабвеніе художника, отрада семейнаго счастья, могучія чувственныя удовлетворенія—все это лишь временную недолгую силу имѣло надъ нимъ и снова уничтожалось подъ вліяніемъ этой моральной стихіи.

II.

Свою дорогу художества онъ начинаетъ повѣстями, въ которыхъ разсказываетъ главнымъ образомъ внутреннія движенія души.

Въ литературу вошелъ человѣкъ съ рѣзко опредѣленнымъ и своеобразнымъ внутреннимъ міромъ. Онъ ни съ кѣмъ не справляется и не считается. У него есть свои неотложныя задачи, которыми онъ всецѣло захваченъ. И въ

первыхъ же попыткахъ художества онъ судитъ міръ, и осуждаетъ его, и судитъ самого себя. Этотъ судъ виденъ и въ кавказскихъ очеркахъ, и въ разсказѣ о попыткахъ деревенскаго устроенія Нехлюдова, и въ очеркѣ «Люцернъ». И всюду самоувѣренному, сытому, властному и неправому барину противостоитъ или мужикъ, сильный своимъ прямымъ отношеніемъ къ Богу и міру и своей бѣдностью, или вообще человѣкъ не пораженный этой проказой культурной сытости, самодовольства и лжи. Въ этихъ разсказахъ нельзя не почувствовать, наряду съ проявленіемъ прекрасной простоты художника и его живой изобразительности, какого-то инстинктивнаго стремленія сбросить съ себя, нетерпѣливо и буйно, что-то приставшее къ нему отъ этого міра неправоты и фальши. Молодой Толстой въ самыхъ первыхъ разсказахъ рѣзко показалъ полное свое несогласіе съ тѣмъ, чѣмъ живетъ все культурное общество, онъ припелъ многое осудить словами, полными горечи и возмущенія.

Въ «Казакахъ»—уже полный разрывъ съ этимъ міромъ, отпаденіе отъ него и анаѳема этому міру. И только двойственность неразрѣшенная здѣсь чувствуется въ борьбѣ двухъ мотивовъ: мотива стихійно правильной, животно-оправданной въ своей свѣжести и простотѣ жизни—и какъ-то очень неловко врывающа-

гося сюда мотива моральнаго, приносящаго довольно фальшиво звучащіе здѣсь императивы и долженствованія, связывающіе волю и понуждающіе ее къ добру и любви къ людямъ.

Нужно вспомнить жизнь въ ту эпоху молодого, крѣпкаго и сильнаго какъ дубъ Толстого въ глухой кавказской станицѣ, гдѣ онъ уходилъ охотиться на медвѣдя, скитался съ ножомъ и винтовкой по чащамъ и горнымъ тропинкамъ, и жилъ полудикой, полуживотной жизнью со своимъ пріятелемъ казакомъ Ерошкой. Правда міра, какъ онъ есть здѣсь на горахъ, съ ихъ тучной растительностью, первобытной силой камней, и деревьевъ, и звѣрей, и звѣре-подобныхъ, веселыхъ, простодушныхъ и жестокихъ людей, столкнулась съ правдой иной, правдой, насилующей жизнь и мучающей душу человѣка. И нужно признаться, «Казаки» являются единственнымъ произведеніемъ Толстого, въ которомъ вѣчный мотивъ Богоисканія и подчиненія себя Богу почти заглушенъ могучей силой мотива стихійнаго жизнеощущенія. Но художникъ заставляетъ насильно звучать мотивъ моральный и все же вводитъ его, покоряясь силѣ внутренняго понужденія.

Вся исторія его педагогическихъ увлеченій и сущность его теоріи воспитательной сводятся къ тому же служенію моральной

идеѣ, безпокойно поработившей себѣ духъ писателя.

Въ «Войнѣ и мирѣ» художникъ съ любовью и видимой отрадой останавливается на обликѣ княжны Марьи, проникнутомъ религіозной прелестью, на духовныхъ исканіяхъ Пьера Безухого, на идеѣ вѣчности, открывшейся душѣ Андрея Болконскаго, на цѣликомъ, «кругло» и полно утвержденной религіозной жизни Каратаева.

Художникъ, конечно, недаромъ останавливался такъ долго и такъ любовно-внимательно на просвѣтленномъ обликѣ княжны Марьи. Теоретикъ Евангелія, говорящій объ истинахъ его разсудочно, нравоучительно и сухо, онъ здѣсь, въ романѣ, въ страницахъ, посвященныхъ дѣвической жизни княжны Марьи, далъ почувствовать живую поэзію христіанства. Некрасивое лицо не молодой дѣвушки онъ озаряетъ «невыразимой прелестью печали и самозабвенія», религіозной тишиной, и одаряетъ ее силой и твердостью. Она устойчиво замыкается только въ этотъ тихій міръ внутренняго постиженія жизни, и съ печалью смотритъ на бѣснующійся водоворотъ внѣшняго движенія людей. Ее «удивляетъ безсмысленный ходъ человѣческихъ желаній, борьбы, влеченій...» Люди «борятся, страдаютъ и мучаются и портятъ свою душу, свою вѣчную душу» для достиженія

мгновеннаго. Она не только знаетъ, но сердцемъ чувствуетъ невозможность для этой жизни быть самоцѣлью. И вотъ почему она обращаетъ свой взглядъ на людей религіознаго исканія и отреченія, ибо «никто, никто не понялъ этого, кромѣ такихъ презрѣнныхъ Божьихъ людей... Оставить семью, родину, всѣ заботы, для того чтобы, не прилѣпляясь ни къ чему, ходить въ посконномъ рубищѣ, не дѣлая вреда людямъ и молясь за нихъ... Выше этой истины и жизни—нѣтъ жизни». И художникъ непостижимымъ чутьемъ проникаетъ въ «ея страстныя и нѣжныя мечты о странничествѣ, о тихой жизни въ Богѣ передъ полнымъ уходомъ въ вѣчность».

Толстой заставилъ княжну Марью пройти полную дорогу земной жизни, и далъ ей мужа добраго, ограниченнаго, тяжело-земного. Но авторъ не забываетъ отмѣчать въ ней черты все той же отдаленности отъ внѣшняго движенія жизни, которое захватить ее не можетъ. Онъ показываетъ на ея лицѣ «строгое выраженіе затаеннаго высокаго страданія души, тяготящейся тѣломъ», когда обступаетъ ее насильно внѣшнее. Она такъ ужъ до конца донесетъ свою душу тихой монахини, отзывающейся восторгомъ и влеченіемъ души на все ясное и глубокое. Именно она подошла близко къ душѣ маленькаго Николеньки, стала ему товарищемъ въ его тоскѣ по героиче-

скому и нездѣшнему. И такъ тонко, такъ глубоко выявилъ Толстой ощущеніе нѣжной души ребенка, проходящаго въ очень сгущенной, очень плотной для него атмосферѣ взрослыхъ тяжелыхъ людей. Только Пьеръ Безухій мимоходомъ отвѣчаетъ на тихое исканіе дѣтской души; княжна же Марья (оставшаяся въ замужествѣ той же княжной Марьей) подходитъ къ мечтательному мальчику близко, они другъ друга понимаютъ.

Художникъ касается здѣсь области жизни до того тонкой, нѣжной, неуловимой, что казалось бы нѣтъ средствъ для передачи этихъ отвлеченныхъ воздушныхъ теченій жизни идеалистической музыкальной души. Однако же, мощный реалистъ показалъ намъ свѣтлую зыбь этихъ чувствъ, ибо внутренній слухъ его былъ необычаенъ. Въ человѣческомъ, обычномъ, онъ ловитъ вѣянія тайнаго и темнаго, близко подходящаго къ каждой человѣческой жизни, проникаетъ въ великій сумракъ за всѣмъ внѣшне-жизненнымъ, и мимоходомъ касается той области чувствъ, которую отмежевали себѣ для творчества писатели, вродѣ Метерлинка. Двухъ женщинъ, сближенныхъ ужасомъ и тяжелой серьезностью смерти, онъ заставляетъ переживать слѣдующее мистическое прислушиваніе:

«Обѣ онѣ прислушивались къ незамолкшему еще въ ихъ воображеніи страшному,

строгому хору и вглядывались въ таинственныя, безконечныя дали, которыя на мгновенія открылись передъ ними».

Смерть кажется графинѣ Марьѣ истиннымъ освобожденіемъ ея подлиннаго религіознаго «я»; при вѣсти о смерти «лицо ея измѣнилось и что-то просіяло въ ея лучистыхъ прекрасныхъ глазахъ. Какъ-будто высшая радость, независимая отъ радостей и печалей этого міра, разлилась въ ней».

Княжна Марья, Николенька, Пьеръ Безухой, Каратаевъ, Нехлюдовъ, Левинъ—это все люди, которые, по выраженію Толстого, не «портятъ свою душу», спасаютъ ее, дабы выполнить задачу возвращенія неосквернённой души къ давшему ее Богу. Какая характерная и глубокая разница между ними и праведниками Достоевскаго, которые нарочно лѣзутъ въ самую гущу жизненной клоаки, туда, гдѣ души калѣчатся, уродуются, кощунственно грязнятся и корчатся въ мукахъ осквернёнія и кошмара. Такихъ, какъ Мышкинъ, Соня Мармеладова и даже Алеша Карамазовъ, съ болѣзненной силой тянетъ въ кошмаръ и муку, въ геенну огненную нашего житейскаго ада, чтобы воспринять крещеніе въ огнѣ мукъ и невыносимыхъ страданій. Разгадка всего—для Достоевскаго въ корчахъ человѣческой души, въ ея движеніи отъ низинъ и паденій къ обратному, къ взлетамъ на

непостижимую высоту. Можно сказать, что Достоевскій вѣрилъ въ окончательную оправданность человѣческой души. Между тѣмъ, Толстой на каждомъ шагу предостерегалъ: спасайте себя, бойтесь вотъ этихъ шаговъ, уклоненій на эти дороги, отходите отъ жизни, исполняйте свою задачу работника, дабы благо вамъ было отъ Хозяина, думайте только о себѣ и о своемъ спасеніи». «Мнѣ, главное, надо чувствовать, что я не виноватъ», говоритъ Левинъ. Праведники Толстого хотятъ, по закону Бога правды и любви, оправданно прожить свою жизнь. Они ищутъ правды для спокойствія и уже полнаго утвержденія своего въ жизни. Искатели Достоевскаго восторженно и безумно ищутъ огня, которымъ озаренъ міръ, для самого этого огня; ищутъ они отъ восторга, отъ экстаза, отъ горящей огнемъ жалости къ человѣку, перерождающейся въ любовь и стремленіе къ безконечному.

Утвержденіе писателемъ найдено. Теперь дѣломъ жизни и осуществленіемъ ея писателю представляется «проповѣдь печатная и изустная».

Но мучительная неудовлетворенность не оставляетъ его во все время этой окончательной работы жизни. И мука, и слабость, и усилія невзлетающихъ крыльевъ! И онъ утѣшалъ самъ себя:

«Только тогда сдѣланное будетъ истин-

нымъ добромъ, когда тебя не будетъ, чтобы портить его. Но заготовляй его больше, сѣй, сѣй... И пожнешь не ты, человѣкъ, а то, что въ тебѣ сѣетъ».

Но эпоха метаній въ пустотѣ безвозвратно кончилась, какъ исчезла и возможность утвержденія на внѣшне-личномъ, эгоистическомъ, разрушенная тоской и влеченіемъ къ духу. Изъ глубины напряженной и бурной души вылилась эта молитва къ Богу:

«И я не называлъ Тебя долго, и я дѣлалъ то же, что они. Я знаю, этотъ обманъ, и какъ онъ гнететъ сердце, и какъ страшенъ огонь отчаянія, таящійся въ сердце не называющаго Тебя. Но, Господи, я назвалъ Тебя, и страданія мои окончились и отчаяніе мое прошло».

ГЛАВА II.

ХРИСТОСЪ И ЕГО УЧЕНІЕ.

I.

Христіанство Толстой называетъ «движущей человѣчество божественной силой». Христіанское ученіе о жизни истинно, ибо его подтверждаетъ жизнь. Для души писателя—это самое правильное ученіе, ибо оно уясняетъ отношеніе человѣка къ Богу и міру. Христосъ открылъ это истинное отношеніе, до Христа не знали его вполнѣ. Онъ же жизнью своей выражалъ духъ и основу ученія.

Каковъ Христосъ Толстого?

— Всѣ опредѣленія, которыя даетъ писатель, сводятся къ чему-то безмѣрно превышающему обычныя человѣческія силы и возвышающемуся какъ идеалъ надъ жизнью людскихъ массъ. Христосъ—это «влекущій къ себѣ сердца образецъ истины для внутренняго совершенства».

Вся полнота истины только въ Его ученіи, и самъ Онъ былъ воплощенной истиной, объ этомъ опредѣленно говоритъ Толстой. Читая

то, что написано мыслителемъ-раціоналистомъ, боровшимся съ оффиціальной церковью, о Христѣ, вступаешь въ область чистѣйшей мистики. Съ Толстымъ здѣсь случилось то же, что и съ Ренаномъ, даже въ большей степени. Оглядывая съ высоты своего научнаго и героически-трезваго раціонализма бѣдныя заблужденія человѣчества, историкъ религіи, касаясь Христа и Его вліянія, неизмѣнно имѣетъ дѣло съ матеріаломъ внутреннихъ переживаній, совершенно не поддающимся учету и классификаціи ученаго. Слишкомъ художникъ для того, чтобы просто-на-просто отбросить этотъ матеріалъ; слишкомъ тонкій изыскатель человѣческихъ документовъ для того, чтобы не считаться съ самыми богатыми и тонкими,—Ренанъ не отказывается отъ изображенія тѣхъ положеній, въ которыхъ основой всего служатъ таинственная мощь и влекущая прелесть духа, заключеннаго въ хрупкомъ человѣческомъ тѣлѣ. И часто, даваемый историкомъ матеріалъ, обращается противъ него, выходитъ изъ всѣхъ рамокъ его трезваго научнаго построенія.

Всѣ разсужденія о долгѣ и о суровыхъ обязанностяхъ работника забываетъ Толстой, когда касается облика Христа; Ему писатель не приписываетъ раціоналистическаго отношенія къ міру и правящей имъ силы, въ Его ученіи не находитъ подтвержденія идей о

долгѣ пассивнаго работника. Наоборотъ, Христосъ мыслится имъ какъ чистѣйшее вдохновеніе, какъ экстазъ, какъ нѣкое солнце, вліяющее, главнымъ образомъ, тепломъ своихъ лучей и нѣжнымъ свѣтомъ. Евангельскія притчи о работникахъ виноградаря и др. теряютъ характеръ суроваго понужденія и, сочетаясь съ завѣтомъ—быть какъ птицы небесныя, что не сѣютъ и не жнутъ,—обращаютъ человѣка только къ радостному выполненія душевнаго влеченія соединиться съ правдой и солнцемъ міра. И вотъ, раціоналистъ приходитъ къ слѣдующему утвержденію относительно «земной жизни Христа»:—«Христосъ во время своего плотскаго существованія вступилъ въ истинную жизнь, которая не прекращается, жилъ во время своего плотскаго существованія въ лучахъ свѣта отъ того другого центра жизни, къ которому онъ шелъ».

Дальнѣйшія утвержденія Толстого о Благовѣстникѣ сводятся къ тому, что Онъ одинъ принесъ на землю истину, благодаря которой можно жить и не впасть въ смертельное отчаяніе и не умереть. Мы подымаемся здѣсь къ представленію о чемъ-то совершенно исключительномъ среди всего въ земной жизни, чему адекватнаго примѣра не можетъ найти умъ на всемъ пространствѣ жизни міра. Хри-

стосъ меня спасъ, говоритъ Толстой, и ничто въ мірѣ иное не могло спасти его. «Въ ученіи Евангелія истина. Тутъ пришло мнѣ спасеніе». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Ученіе Христа я почитаю божественнымъ, настолько оно выражаетъ божескія истины. Я не знаю выше ученія. Оно дало мнѣ жизнь».

Приближеніе къ истинѣ Толстой находитъ у многихъ писателей и пророковъ стараго и новаго міра,—у Моисея, Исайи, Конфуція, Будды, Сократа, Паскаля, Фихте, Фейербаха и др. Но только Христосъ принесъ всю полноту истины. Ее не зналъ старый міръ. Библія опредѣлила Бога, такъ сказать, въ самомъ себѣ, но не по отношенію къ людямъ. Христосъ же принесъ вѣсть о томъ, что человѣческая душа хранитъ въ себѣ потенцію божественной правды и можетъ озариться и горѣть ею. По Библіи «Богъ—вѣчное, безконечное, внѣ насъ сущее, ведущее насъ, требующее отъ насъ праведности». Это библейское опредѣленіе близко Толстому-раціоналисту, но онъ самъ же его опровергаетъ смысломъ Евангельской истины:—«Христосъ дополнилъ это опредѣленіе Бога тѣмъ, что исполненіе закона *бываетъ не по разуму и долгу*, а по другому, захватывающему все существо человѣка чувству: по любви, по внутреннему личному стремленію осуществить Законъ». Значеніе священныхъ книгъ

Библіи въ судьбахъ человѣчества признано одинаковымъ съ завѣтами Христа, при чемъ за послѣдними есть преимущество большей полноты истины, глубины и правильности.

Толстого радуетъ, что мудрость Христова ученія не только не расходится съ мудростью величайшихъ людей міра, душевное родство съ которыми чувствуетъ писатель, но наоборотъ, всѣ они имѣютъ въ себѣ крупинки Евангельской истины, не достигая могущества надъ душой Христа. Не значитъ ли это, что мудрость въ мірѣ одна, что она соединяетъ души всѣхъ лучшихъ людей и что высшимъ выраженіемъ ея является Христосъ?

«И я утвердился на этой истинѣ,—пишетъ престарѣлый писатель,—успокоился и радостно прожилъ послѣ этого двадцать лѣтъ своей жизни, и радостно приближаюсь къ смерти».

Богъ или человѣкъ Христосъ, но ученіе его писатель признаетъ «божескимъ»,—«оно такъ высоко и такъ дорого людямъ, что проповѣдника этого ученія люди признали Богомъ».

Для Толстого-мыслителя величайшая вѣсть Христа о томъ, что человѣкъ с о б о ю не кончается, что онъ не конеченъ и въ самой основной своей сущности опредѣляется чѣмъ-то безконечнымъ. И въ силу единенія съ этой живой душою міра «могу эту жизнь

сдѣлать въ самой себѣ безконечной». Христосъ освободилъ міръ отъ временнаго и конечнаго, въ которомъ душа человѣка задыхается; Онъ открылъ внѣвременную жизнь и безконечныя цѣли для жизни души, истинное состояніе которой въ руслѣ земной дѣйствительности считается исключительнымъ и носитъ названіе восторга или экстаза. Душа не умѣщается въ этой, такъ называемой, реальной дѣйствительности, и Христосъ открываетъ безконечныя пространства небесной дѣйствительности, въ которой по истинѣ реализуются восторженныя силы души, томящія насъ тоской невоплощенія и смутныхъ стремленій. Развѣ такимъ трезвымъ и въ то же время чуткимъ историкамъ, какъ Ренанъ, не приходится имѣть дѣло съ совершенно особаго рода кипучей жизненной энергіей людей, характеризующейся внутреннимъ восторгомъ, экстазомъ, жаждой мученичества; съ особымъ содержаніемъ жизни, проникнутой страстной силой религіознаго поэтическаго одушевленія и рождающей молитвы, поэмы и образы душевныхъ откровеній? Передъ ученымъ изслѣдователемъ во всякомъ случаѣ налицо матеріалъ переживаній и чувствъ, ясно говорящій о великомъ томленія человѣческаго духа, жаждущаго осуществить то потенціальное, чему во внѣшнемъ мірѣ явственно нѣтъ мѣста, и что по

необходимости должно выливаться въ поэмы, романы и философскіе трактаты, дабы найти какой-нибудь исходъ страстно напряженной энергіи!

И вотъ передъ нами художникъ, искушенный въ наивысшихъ возможностяхъ творческой жизни, и мучительно неудовлетворенный такого рода исходомъ душевной энергіи. Толстому нечѣмъ стало жить, несмотря на то, что онъ былъ геніальнымъ и прославленнымъ художникомъ. На склонѣ лѣтъ, отстранивши, наконецъ, отъ себя ту чашу дурманящихъ удовлетвореній славой, почетомъ, богатствомъ, отъ которой многіе никогда не могутъ оторваться, Толстой увидѣлъ, что душа его пуста и голодна, и безумно, смертельно испугался, что удовлетворенія для нея нѣтъ, что міръ пустъ и что человѣкъ предоставленъ самому себѣ и тому, что онъ придумалъ для забавы и удовольствій. Тогда онъ хотѣлъ умереть и ужасался смерти, и судорожно метался въ тоскливой и холодной пустотѣ. Но вотъ привычка анализировать внутреннія состоянія заставила его обратить вниманіе на знаменательное явленіе собственной душевной жизни: а именно на то, что все въ немъ погибало, засыхало и мертвѣло при мысли о пустотѣ міра и самодовленіи въ немъ человѣка, и, наоборотъ, все воскресало и напрягалась энергія жизни и радость жизни

при мысли о томъ, что человѣкъ собою не кончается, но осуществляетъ въ безконечномъ не свою, но Единую и Вѣчную волю. Въ это увѣровалъ Толстой и только съ этой вѣрой могъ жить.

«Ученіе Христа въ томъ состоитъ, что мнѣ, моему свѣту дано итти къ свѣту, мнѣ дана моя жизнь». «И кромѣ нея, и больше нея нѣтъ ничего, кромѣ источника всякой жизни—Бога».

Спокойствіе и свободу принесъ Христосъ человѣку, величайшія блага жизни, утвержденной на истинѣ, ибо «человѣкъ, живущій Христовой жизнью всегда свободенъ... всегда спокоенъ»...

Христосъ связываетъ человѣка съ вѣчностью, и это одно даетъ человѣку жизнь, ибо природа души его такова, что онъ не можетъ жить въ тѣсныхъ предѣлахъ внѣшней дѣйствительности и необходимо постулируетъ дѣйствительность загробную, сущностную. Милліарды людей въ глубинѣ собственнаго сознанія находили идею вѣчнаго существованія въ духѣ, и жили какъ путешественники, двигающіеся впередъ и знающіе, что они прибудутъ въ родную землю. Именно это призналъ правильнымъ Толстой, и несравненно болѣе значительнымъ, чѣмъ всѣ удовлетворенія художественной работы. Все временно и все «баловство» сравнительно съ религіоз-

ными цѣлями жизни. Мы забываемъ подлинное, забавляясь вымышленнымъ. Надо расти къ Богу въ непосредственной жизни, а не развивать свои писательскія способности. Можно ли сравнивать жизненное вліяніе человѣка непосредственно возвышающаго чужое сознаніе однимъ фактомъ своей жизни, касаясь душой его души, — съ вліяніемъ книги? Толстой вѣритъ, что кто въ глубинѣ самого себя, рѣшая только личную, внутреннюю задачу просвѣтленія, выросъ къ Богу, тотъ ужъ тѣмъ самымъ подымаетъ и другихъ.

Христосъ открылъ эту дорогу жизни, показалъ ее. «Христіанское ученіе возвращаетъ человѣка къ первоначальному сознанію въ себя Бога, искры Божіей, заключенной въ животную оболочку». Онъ учитъ: «будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный!» Весь—воплощенная истина, весь пронизанный свѣтомъ,—Онъ самъ былъ совершенство, и Толстой признавалъ, что нѣтъ возможности представить себѣ Его въ условіяхъ земной жизни, ибо Онъ какъ-то внѣ ея, весь въ духѣ. Это можетъ весьма страннымъ казаться въ устахъ противника церкви, а между тѣмъ, вотъ подлинныя относительно этого слова Толстого:— «Невозможно написать біографію, исторію, жизнь Іисуса, потому что то, что мы знаемъ изъ этой жизни, есть самое высокое въ духовной области изъ всего, что мы можемъ

знать. Его слова, Его ученіе есть то божественное откровеніе, которое черезъ него намъ стало доступнымъ. Для того, чтобы написать Его жизнь, надо объяснить источникъ, изъ котораго возникло это». Источникъ же этотъ—признаваемое Толстымъ божестевнное начало міра.

II.

Инерція жизненнаго движенія—не для большихъ и сильныхъ людей; они ее побѣждаютъ, задерживаютъ могучее колесо непрерывнаго безсмысленнаго движенія, и жутко оглядываются, уясняя ходъ и смыслъ жизни. Въ результатѣ—борьба, послѣ которой выходятъ изъ стараго русла, съ напряженіемъ, съ болью отрываясь отъ него, побѣждая противодѣйствіе и сильное свой тупой тяжестью удивленіе всего преданнаго внѣшней инерціи міра. Такъ было съ Толстымъ. Онъ созналъ, насколько въ своей прежней дѣятельности художника и мыслителя онъ, въ сущности, плылъ въ одномъ руслѣ съ міромъ, давая то, что отъ него хотѣли и принимая въ обмѣнъ славу, почетъ и деньги. Наступила эпоха «бурныхъ споровъ съ міромъ», понуждавшимъ мыслителя отдать ему свою внутреннюю свободу и подчиниться прежней инерціи движенія. Толстой не уступилъ, онъ перерѣзалъ связь своего художе-

ственнаго прошлаго съ настоящимъ, творецъ «Анны Карениной», свободный художникъ умеръ, и писатель, вмѣсто творческихъ страницъ, навязывалъ міру сухія страницы богословскихъ трактатовъ и пламенныя разсужденія о всякихъ общественныхъ неправдахъ. Къ художеству, въ духѣ прежнихъ геніальныхъ созданій, онъ не возвратился и подчинилъ свое творчество цѣлямъ уясненія религіозной истины, поскольку жизнь давала для этого художественный матеріалъ; таковымъ же было для него все то, что мучительно противорѣчило правдѣ человѣческихъ отношеній и рѣзало совѣсть мукой и ужасомъ.

Въ художествѣ онъ хотѣлъ, какъ и во всей своей жизни, исходить не отъ самодовлѣющаго «Я», но отъ сознаваемой высшей правды, служенію которой онъ себя посвятилъ. Въ этомъ была для него радость и спасеніе души отъ отчаянія. И это дало ему христіанство. «Мной ученіе Христа завладѣло», пишетъ онъ, «когда я ясно понялъ, что моя жизнь—не моя, а Того, Кто далъ ее, и что цѣль жизни не во мнѣ, а въ волѣ Его. Это перевернуло меня».

Найдена была новая инерція жизненная, на этотъ разъ такая, которая совпадала со свободнымъ влеченіемъ его души. Двигаться въ новомъ для него направленіи было такъ же естественно, какъ жить. Въ этомъ сомнѣвались

въ теченіи десятковъ лѣтъ, пока старецъ жилъ и работалъ, ужасаясь его насилію надъ художникомъ въ себѣ, подвергая сомнѣнію его искренность и обезцѣнивая дѣло его души. И въ это безповоротно повѣрили со дня смерти старца, сразу измѣривъ высоту и глубину его жизненнаго дѣла, и почувствовавъ, что въ немъ жила воплощенная наша совѣсть и суровая, требовательная правда.

«Надо жить и надо умирать»—это обязываетъ къ чему-то бо̂льшему, чѣмъ писательство; если бы всѣ прониклись долгомъ жизни и смерти, пожалуй, излишне было бы писательство вообще. Маленькая христіанская община апостольскихъ временъ была совершенно чужда искусству точнаго выраженія идей и образовъ жизни, не нуждалась въ этомъ, ибо обладала послѣдней, какъ ей казалось, истиной, зовущей къ послѣднему осуществленію человѣка въ вѣчномъ. Проходили мимо литературы, мимо культуры вообще, ибо готовилось не жить, а умереть для жизни вѣчной. Презрѣніе Ювенала и Плутарха къ сектѣ христіанъ, не имѣющихъ представленія о высокой культурѣ ума, о красотахъ стиля, объ идеяхъ греческой философіи и латинской поэзіи, понятно съ точки зрѣнія исключительности земной реальности. Труднѣе всего поэту и художнику оторваться отъ сокровищницъ мысли и искусства для дѣй-

ствительности абсолютной, дающей въ чистомъ переживаніи всю полноту богатствъ духа. Толстой прошелъ черезъ этотъ соблазнъ, и преодолѣлъ его и пришелъ къ отрицанію самодовлѣющаго творчества, стремясь къ тому, въ чемъ жизнь и творчество сливаются совершенно. Ему, какъ и любому члену христіанской общины, стало ясно, что надо жизнь провести не «въ литературѣ», а въ чемъ-то другомъ; что нельзя заполнять жизнь собственной, «человѣческой» работой и, значитъ, потерять втунѣ ее, когда внутренній смыслъ побуждаетъ къ совершенію безпредѣльныхъ задачъ своего духовнаго, внѣвременнаго существованія. Христіанство открыло ему «что дѣлать», и Христосъ повлекъ его по своимъ путямъ, которые и являются единственными путями для человѣка. Ибо «истина Евангелія совпадаетъ съ внутреннимъ стремленіемъ человѣка и съ ходомъ жизни всего міра».

Осуществилъ ли Толстой это высшее человѣческое призваніе, къ которому онъ пришелъ и на которомъ утвердился?

До послѣднихъ дней онъ занимался литературой, и, хотя зналъ и высказывалъ ту истину, что осуществившій себя непосредственно тѣмъ самымъ рѣшилъ задачу жизни и своей и другихъ, но продолжалъ въ своихъ сочиненіяхъ разъяснять людямъ истину сло-

вами, а не своей жизнью, и каждый день свой начиналъ приводимой Бирюковымъ (въ его біографіи писателя) молитвой о подаяніи силъ для борьбы со всѣмъ тяжелымъ въ его человѣческой природѣ, мѣшающимъ вольно жить въ духѣ. И хотя признавалъ свое внѣшнее неосуществленіе добровольно принятымъ крестомъ, но плакалъ надъ искренними словами писемъ людей, умолявшихъ его быть самимъ собой и явить примѣръ міру свободнаго и живого существованія въ духѣ.

Загадка жизни и борьбы Толстого не можетъ быть еще рѣшена на основаніи имѣющагося матеріала. Развѣ нельзя быть совершенно свободнымъ и полностью утвержденнымъ въ своемъ христіанскомъ сознаніи въ какой угодно обстановкѣ? И развѣ сила утвержденія этого не кажется еще рельефнѣе на фонѣ чуждой и даже враждебной обстановки? Но соображенія эти въ корнѣ поколеблены собственной неустойчивостью писателя впродолженіе его жизни въ Ясной Полянѣ, и въ особенности его уходомъ изъ нея. Вокругъ, какъ это уже объективно извѣстно, было много злого, несправедливаго, тупого. Чуждая стихія внѣшняго міра, упорная, стойкая и грубая, врывалась въ покой религіознаго мыслителя и тяжко нарушала его. Крестъ оказался слишкомъ тяжелымъ, его немыслимо было вынести.

И какъ странно звучатъ слова Толстого о полномъ, цѣлостномъ внутреннемъ убѣжденіи христіанина въ его пути и дѣлѣ:

«Человѣкъ, вѣрующій въ ученіе Христа, такъ же мало можетъ спрашивать—что ему цѣлать, какъ источникъ воды, бьющій изъ земли; онъ течетъ, напоя землю, траву, деревья, птицъ. То же дѣлаетъ и человѣкъ, вѣрующій въ ученіе Христа о жизни».

Но знаніе того, что дѣлать въ данномъ случаѣ, есть знаніе не головное, не отъ разума, но отъ непобѣдимаго внутренняго влеченія. Знать истину—значитъ жить въ истинѣ. Внутренно мыслитель такъ и жилъ, но внѣшне онъ слишкомъ оставался «съ нами», съ міромъ «наружнымъ», продолжая заниматься литературой, дѣломъ внѣшняго міра сравнительно съ задачей его религіозной жизни. Воспринявъ истину, онъ теоретизировалъ по поводу ея, доказывалъ ее, всячески утверждалъ, убѣждая не только другихъ, но, повидимому, и себя. Имъ нарисованъ образъ чистаго христіанина, непобѣдимо идущаго по дорогѣ божественнаго призванія. Но между нимъ самимъ и этимъ христіаниномъ такая же разница, какъ между вдохновеннымъ и наивнымъ сектантомъ временъ «гоненій на христіанъ» и какимъ-либо горячо вѣрующимъ, но занимающимся съ усердіемъ богословіемъ и проповѣдями Василіемъ Назіанзиномъ, ко-

торый «проводитъ жизнь» въ благочестивыхъ занятіяхъ и «ревнуетъ» о вѣрѣ, но не горитъ жаждой полнаго осуществленія того, что не нуждается въ богословскихъ трактатахъ и проповѣдяхъ. Здѣсь нѣтъ уже отрицанія временнаго во имя безконечнаго, нѣтъ вдохновенія и безумія вѣрующаго, живущаго на землѣ—какъ въ небѣ, а, наоборотъ, опредѣленно сознаются чисто земныя задачи и ими заполняется жизнь.

Много говорятъ о вдохновеніи, объ экстазѣ, о вѣчномъ; но дуновенія вѣчнаго нѣтъ во всемъ этомъ, того, въ чемъ жили св. Францискъ или нашъ Нилъ Сорскій.

Не потому ли въ обширныхъ трактатахъ богословскихъ Толстого не встрѣтишь личнаго въ пониманіи и ощущеніи христіанства, а развиваются только данныя положенія и идетъ споръ съ человѣческими заблужденіями? И не отсюда ли противорѣчія самому себѣ? Ибо противорѣчить себѣ можетъ только умъ, но нѣтъ противорѣчій въ выраженіи влеченій сердца. Между тѣмъ, у Толстого мы встрѣчаемъ два слѣдующихъ противорѣчащихъ другъ другу въ самомъ основномъ опредѣленія христіанства:

Первое:—«Христіанская истина есть наивысшее выраженіе абсолютнаго добра, есть выраженіе самой сущности внѣ времени, формы.

Второе:—«Въ христіанствѣ нѣтъ ничего таинственнаго, мистическаго, сверхчеловѣческаго, а оно есть ученіе о жизни, соотвѣтствующее той степени матеріальнаго развитія, тому возрасту, въ которомъ находится человѣчество».

Съ одной стороны «выраженіе самой сущности внѣ времени и формы» абсолютнаго добра, съ другой—соотвѣтствуетъ степени матеріальнаго равитія... (послѣдняя цитата выписана мной изъ книги Мережковскаго о Толстомъ). Толстой-мистикъ и Толстой-раціоналистъ не только не могутъ столковаться, но просто не видятъ другъ друга. Но выпипанную Мережковскимъ цитату не слѣдуетъ ставить въ уголъ Толстовскихъ мнѣній ужъ потому одному, что она явно противорѣчитъ главному направленію мысли писателя, достаточно опредѣлившемуся, противорѣчитъ его основнымъ религіознымъ построеніямъ, уничтожаетъ весь его новый устой. Мы привели ее какъ образецъ тѣхъ противорѣчій писателя, которыя обличаютъ въ немъ христіанство въ достаточной степени головное, холодное, лишенное того огня вдохновеннаго прозелитизма, при которомъ яркое внутреннее убѣжденіе не дастъ сорваться ни одному невѣрному звуку, противорѣчащему основной мелодіи внутренняго утвержденія.

III.

Характерно, что во всѣхъ многочисленныхъ богословскихъ и философскихъ произведеніяхъ Толстого, также какъ и въ его произведеніяхъ художественныхъ, мы не встрѣчаемся ни разу съ попыткой возсоздать воображаемый обликъ учителя, ученіе котораго мыслитель признавалъ единственнымъ, выражающимъ полно истину, и за которымъ призналлъ значеніе божественное. Даже въ своемъ «Евангеліи» Толстой ограничился комментированіемъ сравнительнаго разсмотрѣнія нѣсколькихъ текстовъ писанія, и сталіемъ приблизиться въ изложеніи Евангельской исторіи къ правдоподобности и внѣшнему реализму.

То, что было въ высшей степени свойственно Достоевскому, отъ юности устремлявшаго свое воображеніе къ созданію тихаго и неотразимаго облика Христа, то автору «Христіанскаго ученія» было на первый взглядъ какъ бы совсѣмъ чуждо.

Но въ то же время, не только произведенія послѣднихъ лѣтъ, проникнутыя въ опредѣленной степени проповѣдью и поученіемъ Христа, но даже всѣ крупныя художественныя произведенія Толстого въ сердцевинѣ своей имѣютъ нѣчто отъ Христова ученія. Отъ ранней

юности, отъ дней, когда маленькій Толстой составлялъ себѣ программы нравственнаго поведенія и ощущалъ гнетъ моральныхъ неотвратимыхъ понужденій, переживая временами подъемы чисто христіанскаго экстаза, и во все время своей творческой работы—писатель въ сущности ни на минуту не разставался съ представленіемъ о Христѣ, объ источникѣ высшей человѣческой и всемірной истины, или, по крайней мѣрѣ, о вдохновенномъ и недоступно правдивомъ выразителѣ этой истины. Не пытаясь внѣшнимъ образомъ воспроизвесть обликъ Истиноносителя, писатель несомнѣнно внутри себя имѣлъ смутно созерцаемый его обликъ. И всѣ страницы его философскихъ и религіозныхъ размышленій вдохновлены единственно представленіемъ о томъ, кто воплощалъ собою и выражалъ собою вѣчную истину.

Писатель имѣлъ дѣло на первый взглядъ только съ ученіемъ Христа, съ принципами жизненнаго поведенія и пониманія міра и человѣка въ немъ, а не съ носителемъ этого ученія. Но само собою разумѣется, что, имѣя дѣло съ тѣмъ, въ чемъ отпечатлѣлось внутреннее души Творца этого ученія, излагая эти идеи, примѣняя ихъ къ современной жизни, пламенно доказывая, что можно и должно жить, слѣдуя всей правдѣ, всей неискаженной истинѣ этого ученія, писатель не

могъ вывести ни единой буквы своего трактата, не имѣя въ сознаніи освѣщающаго самую работу облика Благовѣстника. Толстой первые десятки лѣтъ творческой работы безсознательно, а въ послѣдніе сознательно жилъ съ обликомъ Христа въ душѣ.

Исповѣдуя невѣдомую, творческую силу, все создавшую актомъ любви и мудрости и частично воплощающуюся въ человѣкѣ, художникъ не могъ не освѣщать свой жизненный путь смутнымъ постиженіемъ этой отвлеченной, сверхъ-разумной и сверхъ-чувственной силы. Ее онъ могъ только мыслить, она умѣщалась въ глубинѣ его умственныхъ представленій, неясно скользила въ зыби метафизическихъ умозрѣній. Но тамъ, гдѣ превалировало чувство, а не мысль, гдѣ постиженіе совершалось радостью и вспышкой чувства, тамъ необходимъ какой-либо живой, чувственно постигаемый образъ, воплощающій собой высшее осуществленіе истины. И учитель, который жилъ два столѣтія тому назадъ и, не записывая ничего, жизнью своей явилъ самый чудесный свѣтъ лучезарно горящаго духа, свѣтилъ писателю на всѣхъ путяхъ его работы. Евангельская неслыханно смѣлая идея, до сихъ поръ признаваемая неосуществимой для человѣка утопіей, о побѣдѣ внутренняго «Я» человѣка надъ всѣмъ матеріальнымъ міромъ съ его желѣзными необхо-

димостями, тѣмъ самымъ, что она была высказана, дала основной толчокъ всему творчеству Толстого послѣднихъ десятковъ лѣтъ.

Толстой не разъ упоминаетъ, что многіе мыслители міра высказывали и до и послѣ Христа мысли о человѣческомъ поведеніи, въ общемъ согласныя съ идеями Евангелія. Но Сократъ, Платонъ, Будда, также какъ и мыслители позднѣйшіе, устанавливая принципъ духовности міра и выводя отсюда законы человѣческой жизни, не подымались до прямого и послѣдняго вывода о полномъ пренебреженіи матеріальнымъ міромъ и о законномъ подчиненіи его цѣлямъ человѣческаго духа. Никто не строилъ Небеснаго царства, никто не звалъ къ существованію исключительно въ той области духовныхъ цѣлей и стремленій, съ которыми люди неотвратимо боролись, не будучи въ силахъ ни отдаться въ полной мѣрѣ высшему призванію, ни преодолѣть ихъ влекущей силы. Христосъ ступилъ за грань всѣхъ мечтаній, всѣхъ стремленій человѣческаго духа. Онъ понесъ человѣческое сознаніе въ безпространственную область чистой и вѣчной духовности, непрерываемаго экстаза духа. На берегу этой вѣчности, этого вселенскаго океана, мы стоимъ съ удивленіемъ и ужасомъ.—Никакихъ матеріальныхъ цѣлей, часто столь милыхъ, никакихъ ежедневныхъ жизненныхъ интере-

совъ. Превратиться въ апостоловъ Бога живого, не думать о продолженіи человѣческаго рода, но сейчасъ же даннымъ поколѣніемъ, своими силами, тянуться къ высшему росту, осуществить все, что можетъ человѣкъ, и уйти въ лоно истины...

Толстой со всѣмъ этимъ былъ непоколебимо согласенъ. Онъ училъ въ теченіи всей своей мыслительной дѣятельности, что надо добиваться только «единаго на потребу» души, и забыть обо всемъ остальномъ. Важенъ только ростъ души и вырастаніе сознательное къ Богу истины. Плодъ долженъ созрѣть и отпасть. Земля—одинъ изъ плодовъ вселенскаго древа Господа, и человѣчество осуществляетъ актъ высшаго духовнаго созрѣванія и тѣмъ самымъ завершаетъ цѣли своего существованія. Законъ роста есть въ матеріальномъ мірѣ, какъ и въ духовномъ.

Питаясь, какъ мыслитель, основной идеей Евангелія о служеніи міру идеальныхъ цѣлей, и только имъ, Толстой какъ художникъ далъ характерные образцы картинъ человѣческой жизни, въ которыхъ сіяетъ эта идея, воплощаемая въ непосредственномъ жизненномъ движеніи. Изображать любовь души къ душѣ, сознанія къ сознанію, дать почувствовать эту могучую и чистую стихію, въ которой любовь, жалость, самоотреченіе и связанный съ нимъ восторгъ, сливают-

ся въ одно и даютъ высшее освобожденіе и полное сознаніе себя и жизни,—именно эту непостижимо трудную для художника задачу Толстой выполнялъ съ совершенствомъ поразительнымъ. Проблески чисто христіанскаго экстаза находимъ въ «Аннѣ Карениной», въ «Войнѣ и мирѣ», а въ разсказахъ и повѣстяхъ, такъ сказать, апостольскаго періода; писатель становится исключительно творцомъ воспроизведеній именно такого рода. Его разсказы о трехъ старцахъ, объ ангелѣ опальномъ въ семьѣ сапожника, о путешествіи двухъ стариковъ ко Святымъ мѣстамъ—залиты тепломъ и свѣтомъ Евангельскаго ученія. Мучительное и восторженное чувство, связанное съ подобными переживаніями, должно быть названо именно Евангельскимъ, по той простой причинѣ, что ни до, ни послѣ Евангелія не было во всемірной литературѣ такого выраженія экстатическихъ чувствъ, ставящихъ высоко надъ всѣмъ исключительно экстазъ души. Міръ зналъ любовь и до Христа, и проповѣдниковъ жалости и состраданія было не мало среди учителей Іудеи, Греціи, Аравіи. Проповѣдовалась именно жалость, рекомендовалось не забывать угнетенныхъ, удѣлять имъ часть того, что имѣешь, и подаяніе вмѣнялось въ заслугу. Но поставить въ центрѣ своей жизненной религіи—Бога-Любовь, провозгласить состраданіе и

самоотреченія во имя любви, какъ сердечный императивъ,—это было впервые провозглашено въ Евангеліи. Эта мечта, это «безуміе», эта утопія—впервые блеснула въ Новомъ Писаніи.

И отъ первыхъ разсказовъ, изображающихъ вспышки среди людей святой стихіи любви и до «Воскресенія», «Отца Сергія» и др. вещей, Толстой бралъ этотъ огонь изъ горящаго во времени, какъ въ вѣчности, костра идей и утвержденій Христа.

ГЛАВА III.

Вѣра и разумъ.

Личный опытъ гибели и спасенія Толстой положилъ въ основаніе своей формулировки вѣры:

«Вѣра есть знаніе смысла человѣческой жизни, вслѣдствіе которой человѣкъ не уничтожаетъ себя, а живетъ».

Писатель самъ подчеркнулъ брошенную мной мимоходомъ въ началѣ первой главы мысль относительно того, что не было бы у автора «Войны и мира» борьбы и мученій, если бы не свернулъ онъ съ первоначальнаго дѣтскаго пути къ «идеалу личной безгрѣшности и правоты». Онъ самъ формулируетъ свое новое утвержденіе какъ возвратъ къ старому дѣтскому предначертанію дороги жизненной.

«Я вернулся во всемъ къ самому прежнему, дѣтскому. Вернулся къ вѣрѣ въ волю, которая произвела меня и что-то хочетъ отъ меня. Я вернулся къ тому, что главная и единственная цѣль моей жизни есть то, чтобы быть лучше, т.-е. жить согласнѣе съ этой волей».

Императивъ, жившій въ душѣ маленькаго Николиньки, получилъ окончательную силу надъ жизнью и смертью человѣка. Для того, чтобы «не уничтожить себя, а жить», необходимо подчинить жизнь долженствованію, вѣрить незыблемо во внутренніе моральные догматы и осуществлять ихъ на каждомъ шагу своей жизни.

— Исполняющій законъ будетъ жить и не исполняющій—смертью умретъ.—Вѣрить въ законъ по Толстому значитъ знать его внутри себя, слышать его въ душѣ своей (ибо намъ дано вмѣстѣ съ жизнью внутреннее сознаніе истины) и устанавливать разумомъ согласіе между постигнутымъ законом добра и каждымъ мигомъ переживаемой жизни. Сама истина не отъ разума, внѣ разума, но отношенія между нею и жизнью должны, какъ сказано, устанавливаться разумомъ.

Чрезвычайно интересно здѣсь то, какъ въ данномъ случаѣ художникъ встрѣчался съ религіознымъ мыслителемъ. Художникъ пошелъ навстрѣчу ему и пошелъ горячо, въ порывѣ творческомъ, предчувствуя задачу, на которую жизнь ему отвѣтитъ великолѣпнымъ подтвержденіемъ самимъ жизненнымъ матеріаломъ. Это единственный примѣръ такого раздвоенія писателя на теоретика и художника и такой встрѣчи съ самимъ собой,

при двойномъ рѣшеніи задачи сперва путемъ интуитивно-мыслительномъ, потомъ чисто-художественнымъ.

Въ ту пору писатель сталъ писать маленькіе разсказы для народа, изъ которыхъ нѣкоторые рѣшительно являются перлами его живого творчества. Они отличаются все той же чистотой художественнаго рисунка и простого строгаго письма и въ то же время съ этой внѣшней художественностью соединена какая-то вдохновенность религіознаго взгляда художника на бытъ человѣческій, озаренный, поднятый въ этомъ религіозномъ вдохновеніи. При этомъ чувство писателя такъ просто, такъ далеко отъ эмоцій чисто-литературныхъ, книжно-утонченныхъ, оно настолько взято изъ глубинъ непосредственной жизни, что ароматъ его почувствуетъ и ребенокъ и крестьянинъ.

Вотъ, напримѣръ, разсказъ «Чѣмъ люди живы», приведшій въ восторгъ даже религіознаго противника Толстого—К. Леонтьева. Въ этомъ разсказѣ старый писатель, именно религіозная вдохновенность котораго такъ часто оспаривалась и замѣнялась сухой теоретичностью, обнаруживаетъ подлинный внутренній экстазъ. Отъ разсказа вѣетъ не моральнымъ догматомъ, не поученіемъ, онъ распространяетъ ароматъ Евангельской истины, который такъ чаруетъ души. Въ этомъ раз-

сказѣ показано то, что составляетъ и внѣшній фонъ нашей жизни и ея внутреннюю глубину, и люди въ немъ показаны во внѣшнемъ чисто матеріальномъ движеніи и въ сферѣ внутренней, въ движеніи души, въ минутныхъ общеніяхъ съ этой своей сферой. Толстой какъ художникъ всегда отличался особенностью показывать жизнь и человѣка какъ бы на двойномъ планѣ: въ выпукло, рѣзко изображенномъ внѣшнемъ его жизни, во всемъ матеріальномъ, предметномъ, и, показавъ это внѣшнее читателю, художникъ чудомъ какимъ-то освѣщаетъ глубину непрерывныхъ, длительныхъ, сложныхъ внутреннихъ состояній и переживаній. Одинъ изъ первыхъ серьезныхъ критиковъ Толстого публицистъ Чернышевскій отмѣтилъ уже послѣ первыхъ произведеній писателя эту его черту.

Переломъ въ міросозерцаніи, вѣрнѣе даже не переломъ, а рѣшительный переходъ къ служенію своему единому и всегдашнему императиву, обогатилъ художника новымъ матеріаломъ чувствъ и углубилъ постиженіе жизни. Идея о внутреннемъ знаніи истины и о прислушиваніи къ ней въ собственной душѣ подкрѣплена художникомъ; для нея найденъ жизненный матеріалъ, который ее выявляетъ. Разсказъ приводитъ къ этой найденной мыслителемъ истинѣ:

— «Я со всѣми людьми имѣю только

одно твердое, несомнѣнное и ясное знаніе и знаніе это не можетъ быть объяснено разумомъ, оно внѣ его»...

Разсказъ говоритъ еще о большемъ:

— «Люди тайно знаютъ истину и живы ею. Если бы не знали истины въ душѣ своей, то не могли бы прожить ни одного дня».

Разсказъ называется «Чѣмъ люди живы». Люди живы истиной, истиной о любви. Ангелъ, поднятый сапожникомъ въ видѣ замерзающаго голаго человѣка и бывшій у него подмастерьемъ, говоритъ ему передъ отлетомъ своимъ на небо:

— «Остался я живъ тѣмъ, что была любовь въ прохожемъ человѣкѣ. Остались сироты живы тѣмъ, что была любовь въ сердцѣ чужой женщины. И живы всѣ люди тѣмъ, что есть любовь въ людяхъ».

«Тайное знаніе истины есть подлинное знаніе и только оно выводитъ на дорогу жизни, а не смерти».

Вотъ въ этомъ пунктѣ есть у Толстого самая существенная неясность. Онъ противорѣчитъ въ дальнѣйшемъ заложеннымъ основамъ своего ученія, разворачиваетъ ихъ и самымъ губительнымъ образомъ мѣшаетъ самому себѣ въ своемъ пути. Мелкихъ противорѣчій у него очень много и уже давно существуетъ правильное убѣжденіе, что останавливаться на этихъ мелкихъ противорѣчіяхъ зна-

чить мѣшать своему пониманію ученія мыслителя. Но въ данномъ случаѣ, передъ нами происходитъ непрерывная встрѣча двухъ взаимно уничтожающихся утвержденій, изъ которыхъ каждое ставится въ центрѣ зданія, въ основу его.

Съ одной стороны—прислушайся къ тому, что внѣ разума, восприми тайное знаніе изъ души своей, приникни къ какой-то всеобщей для людей атмосферѣ истины о любви и вселенскомъ смыслѣ, на которомъ всѣ мы со своей жизнью построены и которой мы живы.

Съ другой стороны—категорическое и не мимоходомъ сдѣланное утвержденіе: «Разумъ данъ свыше, чтобы руководить все. Нельзя безнаказанно допускать въ свою вѣру что-либо неоправданное разумомъ».

Элементъ раціонализма властно врывается въ построеніе Толстого и мыслитель даетъ ему какъ-то пугливо дорогу. Онъ хочетъ твердо стоять на томъ, что постигнуто разсудкомъ. Исходя сплошь изъ утвержденія чисто интуитивнаго, утверждаясь на томъ, что возникло, какъ онъ самъ замѣтилъ, совершенно внѣ разума, аргументируя только ощущеніями гибели и жизни, умиранія въ пустотѣ и воскресенія въ чувствѣ Бога, онъ первый же слѣдующій шагъ хочетъ сдѣлать, опираясь на разумъ. И даже больше, онъ уничтожаетъ свое первое и основное утвержденіе тѣмъ,

что въ дальнѣйшемъ ужъ все подчиняетъ веденію и руководительству разсудка. Въ немъ склонность къ позитивному, внѣшне познанному, положительному вступаетъ въ борьбу непримиримую со склонностью къ познанію внутреннему, вдохновенному. И страшное зіяющее противорѣчіе остается не закрытымъ до самого конца непрерывной, могучей, упорной работы писателя. Позитивистъ слишкомъ часто бралъ перевѣсъ, при чемъ онъ очень легко сладился съ моралистомъ въ Толстомъ. Тогда художникъ совсѣмъ отходилъ въ сторону, какъ и вдохнвенный ученикъ Благовѣстителя, и сотни страницъ богословскихъ и морально-публицистическихъ трактатовъ писателя создавались до полной мертвенности сухими и безжизненными, дѣловито поучающими и разъясняющими.

Эту зіяющую брешь въ своемъ ученіи Толстой не закрылъ, и намъ нельзя не считаться съ ней. Приходиться имѣть въ виду какъ бы двѣ дороги мысли писателя, по которымъ онъ шелъ. Но въ то же время нельзя не видѣть, что наибольшій и наиболѣе цѣнный философскій и художественный матеріалъ данъ для обоснованія пути не отъ разума, интуитивнаго пути. Мы обратимся къ объективному и точному разсмотрѣнію данныхъ этого матеріала.

II.

Толстой художникъ не разъ приходитъ на помощь Толстому мыслителю и одаряетъ его чудесной силой проникновенія въ тайное, въ неподлежащее распознаванію разума, а доступное только прозрѣнію художника. Это область непосредственной жизни, стихія, соотношенія которой съ разумомъ человѣка подобно соотношенію необъятнаго океана съ заливаемымъ его волнами челнокомъ. Толстой побѣждаетъ эту стихію, поскольку онъ и какъ мыслитель и какъ художникъ обращается къ внутреннему познанію, къ невѣдомому органу души. Мы уже видѣли, какъ полно совпала его основная идея о томъ «Чѣмъ люди живы» съ художественнымъ матеріаломъ непосредственной жизни, благодаря чему создался разсказъ безъ признака тенденціозности. Та же по существу идея о «тайномъ вліяніи», принимаемомъ внѣ участія разума, показана еще разъ въ изображенномъ уголкѣ жизни, взятомъ не внѣшне, а какъ бы съ корнями, уходящими глубоко въ невидимые пласты жизни. Я говорю о разсказѣ «Три старца».

Три старца наивны, полубезумны, больны святымъ маньячествомъ, отдающимъ человѣка во власть его внутреннему и освобождающимъ отъ всего внѣшняго. Они не соприка-

саются съ разумомъ, они погружены, ушли цѣликомъ въ тайное знаніе ихъ души, пришедшее какъ экстазъ, какъ «радость въ Богѣ». Они живутъ въ необычайномъ, въ чудѣ, какъ въ простомъ, какъ во внѣшне реальномъ. И архіерей, сперва пытавшійся отдать имъ свое знаніе въ дѣлахъ вѣры и Бога, въ концѣ-концовъ, понимаетъ, что это онъ ничего не знаетъ, а они знаютъ все. Впрочемъ, въ этомъ его убѣждаетъ чудо.—Старцы бѣжали за пароходомъ на которомъ ѣхалъ архіерей, по морю какъ по сушѣ. И за словами художника чувствуешь святую наивность блаженныхъ, не сознававшихъ, что это чудо—ихъ бѣгство по морю, ибо вся ихъ жизнь была погружена въ абсолютную реальность, чувство которой поддерживалось ихъ жизнеощущеніемъ, ихъ экстазомъ.

Художникъ выдержалъ весь разсказъ въ тонѣ наивнаго, дѣтскаго разумѣнія жизни. Онъ ни разу самъ не удивился своимъ старцамъ и ни разу не испортилъ правдиваго повѣствованія любованіемъ на своихъ героевъ. Потому-то весь разсказъ дышетъ правдой переданныхъ чувствъ.

Утвердивъ художественнымъ документомъ идею о внутреннемъ, внѣразумномъ знаніи истины міра, показавъ какъ живутъ ею, этой истиной, передавъ самое чувство жизни въ ней, Толстой изъ своего художественнаго

матеріала дѣлаетъ обобщеніе, устанавливаемое какъ вѣха на его найденномъ пути:

— «Я со всѣми людьми имѣю только одно твердое, несомнѣнное и ясное знаніе и знаніе это не можетъ быть объяснено разумомъ, оно внѣ его»...

Художникъ еще задолго до этого обобщенія подтверждалъ его своими внутренними открытіями, однимъ изъ такихъ подтвержденій былъ Платонъ Каратаевъ—«непостижимое, круглое и вѣчное олицетвореніе духа простоты и правды»,—показавшій на самомъ себѣ, что «жизнь есть Богъ и движеніе жизни есть Богъ».

Истина не осознается, ее знаютъ «неразумные» дѣти и не знаютъ взрослые. Мы снова и снова встрѣчаемся съ борьбой Толстого съ разумомъ.—«Человѣкъ родится со знаніемъ истины, говоритъ онъ, со знаніемъ истинной жизни, дѣти живутъ ею, на дѣтяхъ видно, въ чемъ воля Отца. Чтобы понять ученіе Христа, надо понять жизнь дѣтей и быть такими же какъ они».

Гибелью и спасеніемъ человѣка подтверждается эта мысль.—Когда писатель подходилъ къ «вѣрующимъ ученымъ», сомнѣнія возникали въ немъ, ихъ доводы все болѣе удаляли его истины, онъ чувствовалъ, «что идетъ въ пропасть».

А когда слушалъ «разговоры безграмот-

ныхъ мужиковъ, странниковъ о вѣрѣ, о Богѣ, о жизни, о спасеніи,—знаніе вѣры открывалось мнѣ».

Снова—выводъ: правда изъ души народа интуитивно постигается, между тѣмъ какъ логика, культура ума, разумъ ученыхъ заводятъ только въ пропасть.

Самое подтвержденіе того, что истина и что не истина, черпается изъ внутренняго, подсознательнаго опыта милліоновъ человѣческихъ сознаній, утверждавшихся всѣ на единомъ и «знавшихъ» особымъ внѣразумнымъ знаніемъ свою истину.

— «Каждый изъ милліоновъ сознаній опускается за отвѣтомъ въ глубь своей души и тамъ находитъ отвѣтъ. То, что милліоны дѣлаютъ то же, что и каждый, есть доказательство».

...«не я одинъ искалъ и ищу отвѣта на эти вопросы. Все жившее человѣчество въ каждой душѣ мучимо было тѣми же вопросами и получало тѣ же смутные отвѣты въ своей душѣ. Милліарды смутныхъ отвѣтовъ однозначущихъ дали опредѣленность отвѣтамъ. Отвѣтъ этотъ—религія».

Далѣе Толстой говоритъ, что вѣрованія основы не на словахъ и разсужденіяхъ, а на внутреннемъ опытѣ жизни, изъ глубины которой подымалась истина и передавалась опять-таки не въ убѣжденіи, не въ доводѣ и

не въ холодномъ догматѣ, а непосредственно, какъ зѣвота...

«Одна провѣрка, которой я подвергаю и всегда буду подвергать преданіе объ истинѣ, это то, согласны ли даваемые отвѣты со смутнымъ одиночнымъ отвѣтомъ, начертанномъ у меня въ глубинѣ сознанія».

Это выражено уже почти догматически такъ: «Богъ открывается только непосредственно сердцу человѣка».

И тутъ же на страницахъ, гдѣ такъ глубоко прослѣжены выводы формулированной выше идеи, встрѣчаемся со своеобразной теоріей разума какъ основы жизни, какъ божественнаго закона ея, и разума, какъ орудія логической провѣрки, какъ органа, который единственно вводитъ насъ въ соприкосновенія съ міромъ и единственно отвѣчаетъ ему на весь опытъ переживаній.

Мы встрѣчаемся съ категорическимъ утвержденіемъ:—«Единственное орудіе познанія, которымъ владѣетъ человѣкъ,—его разумъ».

Запутавшись въ борьбѣ съ офиціальной церковью, Толстой схватился за разумъ какъ за союзника въ этой борьбѣ. Ибо ему съ одной стороны надлежало защищать свое жизненное откровеніе вѣры, откровеніе Бога, загорающееся въ душѣ какъ вѣсть о жизни и спасеніе отъ гибели пустоты и безсмыслицы,—а съ другой стороны онъ же велъ горячую

борьбу со всѣмъ, что являлось оружіемъ официальной церковности. Противъ ея твердынь писатель призывалъ на помощь разумъ, тотъ самый разумъ, который имъ же былъ совершенно отвергнутъ вслѣдствіе его безсилія въ дѣлѣ познанія религіозной истины. А такъ какъ союзникъ уже былъ позванъ и дѣло свое могуче дѣлалъ въ связи съ Толстымъ, какъ моралистомъ и какъ публицистомъ, то необходимо было какъ-либо ввести его и въ свое религіозно философское построеніе. Тогда-то явилась вѣроятно эта своеобразная теорія божественнаго разума въ человѣкѣ.

«Жизнь есть даръ Разума, который требуетъ выполненія своей воли». Разумъ подставляется на мѣсто Бога, хозяина міра. *Богъ—любовь, внутренно, изъ глубины души человѣка понуждающій его къ просвѣтленію своей жизни, замѣняется Богомъ-разумомъ, повелѣвающимъ исполнять его волю.*

Наша догадка относительно того, что разумъ явился только какъ союзникъ въ борьбѣ съ официальной церковью, подтверждается нѣсколькими соотвѣтствующими сентенціями, которыя звучатъ явно полемически и видимо являются въ опредѣленную цѣль направленными стрѣлами: «Разумъ старше и достовѣрнѣе всѣхъ писаній и преданій, онъ былъ уже тогда, когда ихъ не было и данъ каждо-

му прямо отъ Бога». Или—«Непонятному никто не можетъ вѣрить, знаніе непонятнаго равно незнанію».

Это послѣднее утвержденіе въ корнѣ противорѣчитъ устою всѣхъ соображеній Толстого относительно «отвѣтовъ въ глубинѣ души», передаваемыхъ не разумомъ, а непосредственно, какъ зѣвота. Здѣсь именно рѣчь идетъ о томъ, что рѣшительно непонятно, здѣсь какъ разъ говорится о «знаніи», которое «внѣ разума», согласно словамъ самого Толстого.

Въ концѣ концовъ, понятіе разума рѣшительно спутывается и онъ подставляется снова въ уголъ теоріи внутренняго непосредственнаго знанія.—«Разумъ, дѣйствующій въ условіяхъ пространства и времени, не можетъ познать то, что внѣ этихъ условій», пишетъ Толстой, но въ то же время оказывается, что «Разумъ знаетъ одно, что сущность божественная есть». Разумъ оказывается именно тѣмъ органомъ внутренняго познанія, который меньше всего близокъ къ внѣшне-познавательному, логическому, т. н. разумному. Самое знаніе имѣетъ характеръ интуитивный, глубоко-личный, оно не подлежитъ логической передачѣ, его можно имѣть внутри себя благодаря особому напряженію душевному, но его нельзя сдѣлать доступнымъ другому, ибо каждый долженъ создать эту

истину внутри себя, какъ бы получить откровенія этого знанія. Писатель прямо говоритъ: — нельзя вѣрить благодаря чьей-либо помощи и посредничеству, «этимъ человѣкъ лишаетъ себя единственной возможности достовѣрнаго знанія».

Пониманіе этой истины глубоко интимное, почти неуловимое для какого бы то ни было внѣшняго закрѣпленія въ словахъ и фразахъ. Самъ художникъ не говоритъ ни разу объ истинѣ въ ея полномъ божественномъ содержаніи, но приближается только силой изобразительнаго таланта къ передачѣ ощущенія истины и ея освѣжающему благодатному вліянію на жизнь и душу. И, не замѣчая убійственнаго противорѣчія этой своей основѣ, которой онъ живетъ, на которой всецѣло утвердился,—снова переноситъ центръ тяжести на «разумъ», рѣшающій взвѣшивающій, уясняющій» и дающій возможность какого-то логическаго выбора между правдой и неправдой. «Рѣшать можно, говоритъ онъ, потому что рѣшатель есть въ насъ: та частица Бога, которая составляетъ нашу жизнь». И настойчиво заявляетъ въ своей «Критикѣ догматическаго богословія» (предисловіе)—«Не забывайте, что чтобы вы ни говорили, вы говорите по разуму».

Можно замѣтить одно неизмѣнно повторяющееся явленіе: когда Толстой обращается

къ выраженію внутреннихъ основъ существованія, когда ему нужно выразить сущность истинной вѣры и истиннаго знанія, онъ имѣетъ дѣло исключительно съ областью чувствъ, и знаніемъ истины является *ощущеніе* истины. Какъ истинный художникъ онъ хочетъ дать понять, что такое солнце, заставивъ почувствовать тепло его лучей. Истина не въ разумномъ пониманіи, а въ чувственномъ пониманіи. Можно сказать, что новѣйшая философія Бергсона и его послѣдователей только формулировала то, что безсознательно знаетъ каждый художникъ и что зналъ въ особенности Толстой, обратившійся въ дѣлѣ вѣры къ сферѣ чистыхъ переживаній, внѣ безсильнаго постиженія ихъ въ условіяхъ разсудочнаго познаванія. А именно: что подлинный матеріалъ познанія—это глубина внутреннихъ состояній и ихъ гармоничная цѣльность, не переводимая на языкъ внѣшняго сознанія, дающая истину не разуму, но иному органу чувственно-духовнаго познанія, имѣющему дѣло не съ мертвыми абстракціями, схемами и символами жизненныхъ состояній, а съ самимъ ихъ стихійнымъ цѣлымъ.

Толстой остается совершенно послѣдовательнымъ, когда въ связи съ указанной основой его ученія замѣчаетъ, что «Богъ открывается каждому человѣку въ его сердцѣ. Всякій человѣкъ чувствуетъ въ себѣ Бога, то на-

чало жизни, которое не есть тѣло, но живетъ въ тѣлѣ человѣка».

И далѣе еще опредѣленнѣе:—«Если же человѣкъ знаетъ Бога, то знаетъ и законъ Его. Законъ написанъ въ самой жизни, въ судьбѣ человѣка. *Если человѣкъ умомъ можетъ и не знать этого закона, то не можетъ его не чувствовать*».

Но позиція борца, воинствующаго проповѣдника заставляетъ обращаться къ союзнику Разуму, требуетъ внѣшняго уясненія истины, требуетъ полнаго опредѣленія теоретической позиціи. И писатель здѣсь совершенно упускаетъ изъ виду тѣ «смутные отвѣты въ глубинѣ души», о которыхъ самъ неоднократно говорилъ.

Наоборотъ, мы отъ него услышимъ, что «Истинная вѣра никогда не бываетъ неразумна и свойствами ея не можетъ быть сверхъестественность и безсмысленность».

И упуская изъ виду, что несомнѣнность внутренняго знанія показана имъ какъ данная въ озареніи, въ экстазѣ, въ блаженномъ сумасшествіи трехъ старцевъ, въ необъяснимой гармоничности «круглаго» сознанія Платона Каратаева, въ ароматѣ Евангельской любви, которой живы люди, Толстой опредѣляетъ жизненный долгъ человѣка, исходя отъ основъ внѣшне логическихъ, данныхъ разуму, находящемуся въ согласіи со всѣмъ міромъ.

«Разумъ,—опредѣляетъ онъ, не заботясь о всѣхъ прежнихъ опредѣленіяхъ,—для человѣка законъ, по которому совершается его жизнь. Законъ, который мы знаемъ въ себѣ какъ законъ нашей жизни, есть тотъ же законъ, по которому совершаются и всѣ внѣшнія явленія міра, съ той лишь разницей, что въ себѣ мы знаемъ этотъ законъ какъ то, что должны мы совершать, во внѣшнихъ же явленіяхъ какъ то, что совершается по этому закону. Все, то что мы знаемъ о мірѣ, есть только видимое нами, внѣ насъ совершающееся подчиненіе Разуму».

Но мы уже знаемъ, что это подчиненіе Разуму оказывается ничѣмъ инымъ, какъ откровеніемъ внутри себя истины, которую можно «знать въ себѣ», но которой никто не можетъ надѣлить со стороны. Такого рода самопроизвольное внутреннее подчиненіе есть ничто иное, какъ свободное слѣдованіе внутреннему призванію. О такого рода «подчиненіи» Толстой говоритъ:—«Душа знаетъ о своей правотѣ радостью». Слово—радость,—здѣсь многозначительно и указываетъ на ту свободу внутреннихъ путей жизни, о которой мыслитель совершенно забываетъ, когда сворачиваетъ на дорогу своего упрямаго раціонализма и начинаетъ доказывать, что подчиненіе Разуму намъ прежде всего выгодно и изъ-за одной этой выгоды слѣдуетъ дѣлать

то, чего требуетъ отъ насъ Хозяинъ-Разумъ. «Надо разсчесть,—говоритъ Толстой раціоналистъ,—выходно ли служить своей плоти?»—и отвѣчаетъ:—«Если бы можно было устроить жизнь своей плоти какъ хочется, тогда бы надо служить своей плоти, но какъ нельзя, то ужъ лучше оставить все плотское и служить Богу Духу. А то выйдетъ ни то, ни се: плотской жизни не устроишь и жизнь духа потеряешь».

Мыслитель вступаетъ здѣсь въ довольно циническіе расчеты о томъ, какому богу *выгоднѣе* служить: богу духу или богу плоти, и приходитъ къ выводу о выгодѣ служенія первому. Здѣсь вѣнецъ раціоналистической запутанности Толстого и его противорѣчій своему возвышенному ученію. Радость постиженія и радость правоты замѣняется практическимъ расчетомъ; невозможность жить и дышать безъ Бога Духа, безъ смысла исключается соображеніями выгоды и пользы.—«Мы здѣсь какъ на постояломъ дворѣ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—въ которомъ Хозяинъ все, что намъ, путешественникамъ, нужно далъ, а самъ ушелъ, оставивъ наставленіе, какъ вести себя намъ въ этомъ мірѣ». Жизненная задача упрощается до усвоенія урока послушными учениками. Толстой на этомъ и настаиваетъ:—«Смыслъ жизни долженъ быть понятенъ человѣку, какъ понятно

его назначеніе работника на большомъ заводѣ».

О, если это все такъ просто, почему же міръ человѣческій не представляетъ идеальнаго завода, гдѣ всѣ рабочіе такъ хорошо понимаютъ свои обязанности, или колледжа, гдѣ ученики старательны и послушны? И почему же одни изъ людей, которыхъ мудрость и сердце чтитъ Толстой, вдохновенно постигали дорогу человѣческаго призванія, а милліоны другихъ оставались глухи и темны? Хозяинъ и работникъ, заводъ и рабочій, путешественникъ и содержатель гостиницы—исчерпываютъ ли эти примѣры отношеній человѣка къ міру и его смыслу? На это самъ же Толстой всѣми страницами, въ которыхъ развивается сущность его ученія, отвѣчаетъ—нѣтъ,—раскрывая совершенно иныя отношенія человѣка къ тому, что мыслитель называетъ сущность міра.

III.

«Я услыхалъ слова Христа и понялъ ихъ, и жизнь и смерть мнѣ перестали казаться зломъ, и вмѣсто отчаянья я испыталъ счастье и радость жизни, ненарушимыя смертью».

Для того, чтобы жить, надо признать Бога, какъ смыслъ и цѣль, ибо съ нимъ все осмыслено, а безъ него все—безсмыслица.

Земное содержаніе жизни само по себѣ—невыносимо, въ немъ нечѣмъ жить и человѣкъ задыхается и въ жаждѣ спасенія открываетъ религію. Такъ представляетъ себѣ это Толстой, ибо самъ пережилъ такого рода умираніе и спасеніе. Такъ же объясняетъ онъ себѣ и возникновеніе распространнѣйшихъ религій.—«Христіанство и буддизмъ,—говоритъ онъ,—есть фактъ недовольства жизнью, онъ имѣетъ основаніемъ сущность жизни» (письмо къ Страхову). Главнымъ же смысломъ христіанскаго ученія признается «возстановленіе прямого общенія между Богомъ и человѣкомъ», другими словами насыщеніе человѣческой жизни содержаніемъ, черпаемымъ изъ всеобщаго обсолютнаго источника.

Но тутъ же подчеркивается: «никто не призванъ къ тому, чтобы поучать другихъ». Источникъ познанія — личная внутренняя жизнь человѣка, его отношенія къ верховному смыслу—личныя и непосредственныя, и никто не можетъ за другого рѣшить задачу жизни. Какъ сказалъ Толстой въ своемъ отвѣтѣ синоду:—«Мнѣ надо самому одному жить, самому одному и умереть,—не могу иначе вѣрить, . . . готовясь итти къ Богу».

Каждый долженъ открыть въ душѣ отношеніе къ духовному центру міра, каждый въ силу своего рожденія и жизни въ мірѣ долженъ быть вдохновеннымъ, ибо постиже-

ніе смысла и пути дается не разумомъ (тогда каждый могъ бы это открыть другому, а Толстой отрицаетъ такое внѣшнее уясненіе религіознаго утвержденія души), а вдохновеніемъ. Никакая догма, никакой катехизисъ не могутъ быть для человѣка достовѣрнѣе голоса души. Борясь съ церковной религіозностью и призывая на помощь разсудокъ и здравый смыслъ, Толстой забывалъ, что, отрицая церковную религіозность, онъ утверждался не на разумѣ, а на внутреннемъ интимномъ убѣжденіи души, на вдохновеніи внутреннемъ и на истинѣ этого вдохновенія. Толстой былъ не вѣренъ своему союзнику—разуму—и покидалъ его каждый разъ, какъ обращался къ внутреннимъ основамъ своего ученія.

На сколько разнится его же собственное опредѣленіе жизненной работы души отъ исполненія долга работника, безлично и покорно удовлетворяющаго властную волю Хозяина.—«Я возношу свою жизнь,—говоритъ онъ, это одно можетъ вознести жизнь другого, да и другой—я же. Если я вознесу себя, я вознесу всѣхъ».

Вспомнимъ утвержденіе Толстого относительно того, что́ можетъ послужить орудіемъ распространенія въ мірѣ истины: слово и убѣжденіе здѣсь играть роли не могутъ, ибо истина дѣйственна не въ мѣру своей

разумности и понятности (ее могутъ прекрасно понять и согласиться съ ней, но совершенно не считаться съ ней въ жизни), а лишь въ мѣру проявленія истины въ непосредственной жизни. «Если я вознесу себя, я вознесу всѣхъ». Достаточно пережить процессъ внутренняго рожденія истины, озаренія ею, чтобы это интимное, внутреннее стало могучей дѣйственной силой во внѣшнемъ мірѣ. Между тѣмъ какъ разумное, логическое, передаваемое внѣшнимъ образомъ, остается безсильнымъ.

Надо вдохновиться истиной и жить ею, чтобы уже совершенно безсознательно вліять на другихъ однимъ фактомъ своей жизни, которая является въ данномъ случаѣ служеніемъ и «вознесеніемъ». Таково было непосредственное вліяніе Христа и наиболѣе вдохновенныхъ изъ святыхъ, таково же непосредственное вліяніе и въ обычной жизни талантливыхъ и идейно одушевленныхъ людей. Надо, слѣдовательно, проникать въ сознаніе людей не черезъ разумъ, не путемъ логическихъ уясненій, но совершенно иначе, вліяя непосредственно на душу, заставляя ихъ открывать въ душѣ ту же истину. Это возможно потому, что, согласно, глубокому намеку Толстого, «другой—то же я», т.-е. другими словами, устанавливается обсолютное единство человѣческихъ сознаній, схо-

дящихся въ какомъ-то единомъ центрѣ, соединенныхъ тамъ такъ, что если одинъ знаетъ, то тѣмъ самымъ знаютъ всѣ, если одинъ вознесенъ, то онъ же вознесъ и всѣхъ. Это напоминаетъ теорію космическаго духовнаго единства Достоевскаго, развиваемую Зосимой: «все течетъ, все соприкасается, въ одномъ концѣ міра тронешь, въ другомъ отдается».

Но это начало всеобщаго единенія—это не разумъ, это, по опредѣленію Толстого,—«Богъ или жизнь духа въ человѣкѣ», человѣкъ это знаетъ потому, что «Богъ въ немъ открылъ это ему».

Истина познается жизнью, жизнь открываетъ ее, такъ какъ она заложена въ глубинѣ жизни. Познаніе ея неизбѣжно для того, кто считается съ внутреннимъ теченіемъ жизни.

Надо довѣриться инстинкту внутренняго пути,—намъ неизвѣстны цѣли и достиженія, но намъ дано *направленіе*, по которому душа хочетъ итти. Толстой совѣтуетъ «отдаться потоку всѣми инстинктами и стремленіями и тогда изъ безсознательнаго подчиненія тому направленію, которое васъ ведетъ, придете къ истинѣ о подчиненіи жизни борьбы—жизни любви и единенія».

Или вѣрить, или не жить. Выводъ Толстого былъ:—вѣрую, ибо нѣтъ жизни безъ вѣры, отрекаюсь отъ механическаго подчи-

ненія закону, ибо не могу вынести существованія конечнаго въ мертвыхъ для меня законахъ міра.

Вотъ его благодарственная молитва:

«Ты спасъ меня и я теперь ищу одного: приблизиться къ Тебѣ, понять Тебя, насколько это возможно мнѣ... Ты, Богъ любви и правды, приблизь меня къ себѣ, открой мнѣ все, что я могу понять о Тебѣ»...

Писатель молитъ о «пониманіи», онъ не можетъ стоять на одной дорогѣ или интуитивнаго, или разсудочнаго познанія. Утвердившись на началѣ, которое онъ самъ называетъ «таинственнымъ» и недоступнымъ воспріятію разуму, онъ съ какой-то тоской и боязнью молитъ аргументовъ, по выраженію Достоевскаго, эвклидовскихъ, доступныхъ усвоенію внѣшне-разсудочному. Въ Толстомъ не было фанатика и былъ слишкомъ силенъ аналитикъ. Погибая отъ сомнѣній, отравленный ядомъ ихъ, онъ празднуетъ потомъ побѣду оживленія и спасенія, но преждевременно. «Невѣрующій Ѳома» въ немъ живъ и не перестаетъ молить внѣшнихъ, крѣпкихъ, совсѣмъ успокаивающихъ доказательствъ.

Это такъ согласуется со всей трагедіей его жизни, лишенной силы фанатика, ослабленной этой борьбой мистика и раціоналиста.

ГЛАВА IV.

Міръ и внутреннее „я“.

I.

Принципы отношеній человѣка къ міру, а также самого міроустройства выводятся Толстымъ изъ чувства «умиранія въ безбожіи» и «оживанія въ Богѣ». Это основной пунктъ его религіи и всѣхъ его теоретическихъ религіозныхъ воззрѣній. На этомъ построена его религія. Вся мудрость міра, изученіе всѣхъ религій, соприкосновеніе съ людьми различныхъ религіозныхъ толковъ— не могли зажечь его душу истиннымъ воспринятіемъ вѣры. И это оказалось въ полномъ согласіи съ высказаннымъ имъ въ дальнѣйшемъ положеніи, что *вѣру нельзя перенять со стороны, а нужно родить ее въ самомъ себѣ*. Когда же въ борьбѣ и сомнѣніи, доходившемъ до отчаянія и жажды смерти, прослѣдилъ онъ переживанія полной прострацiи въ минуты сильнѣйшаго сомнѣнія и, наоборотъ, подъемъ энергіи и радости въ проблескахъ вѣры въ высшую творящую

силу, писатель въ этомъ увидѣлъ ясный знакъ несомнѣнности универсальной воли.—Если во мнѣ что-то подымается радостью и восторгомъ навстрѣчу идеѣ и чувству Бога, то этотъ безсознательный восторгъ не есть ли показатель того единаго всемірнаго сознанія, искра которой горитъ и во мнѣ?

Отсюда началось, по словамъ писателя, «оживаніе» его души и исповѣданіе того, что наполнило всецѣло нѣсколько десятковъ лѣтъ его зрѣлой и старческой жизни.

Отсюда же началось выведеніе всѣхъ положеній относительно сознанія человѣка, его «я», и отношеній его къ міру, людямъ и вселенскому Разуму-Любви.

Въ посмертной работѣ Толстого, съ любовью написанной,—«Зеленая палочка»;—находимъ цѣлый рядъ положеній относительно природы человѣческаго «я», подтверждаемыхъ подобными же положеніями и въ другихъ сочиненіяхъ его—«Христіанское ученіе», «Мысли о Богѣ» и др. Положенія эти слѣдующія:

— «То, что я сознаю своимъ «я», появилось не одновременно съ моимъ тѣломъ.

— «Я знаю, что это «я» началось когда-то и вмѣстѣ съ тѣмъ я знаю, что это «я» всегда было. Во времени я не могу найти настоящаго своего «я». Я какъ будто никогда не появлялся и всегда былъ и только забылъ свою прежнюю жизнь.

— «Не вѣрю, чтобы мое «я» могло кончиться».

Въ другомъ мѣстѣ писатель говоритъ не менѣе опредѣленно, сразу перебрасывая умозрительный мостъ между существованіемъ человѣческаго «я» и общимъ безначальнымъ и безконечнымъ существованіемъ міра:

— «Человѣческое «я»—это нѣчто мыслящее внѣ времени и внѣ тѣлесныхъ ограниченій. «Я есть»—всегда, безъ начала и конца. Со смертью тѣла «я» не умираетъ, оно было до тѣла и будетъ послѣ».

Что такое человѣческое «я» по Толстому?— Это чувство себя какъ частицы міровой истины, которую нужно пробудить въ себѣ и въ свѣтѣ, которой нужно жить; сознаніе себя какъ частицы Бога. «Божественная сущность нашей души, внѣвременная и внѣпространственная, въ этой жизни заключена въ тѣлѣ; выходя изъ него она перестаетъ находиться въ условіяхъ времени и пространства и про эту сущность нельзя сказать, что она будетъ,—*она есть*». И добавляетъ: «Мы временно отдѣлены отъ Сущаго, по смерти отдѣленія это уничтожается».

Человѣческое «я»—неуязвимая, неразрушимая вѣчная сущность, независящая отъ своего тѣлеснаго проявленія. Въ это вѣритъ мыслитель и это именно то убѣжденіе, которое давало силу первымъ христіанамъ итти

съ восторгомъ на арену пытокъ и казней. «Человѣческая жизнь духовна,—устанавливаетъ писатель,—человѣкъ есть духъ, частица божества, заключенная въ извѣстныхъ границахъ. Жизнь не подлежитъ искаженію, еще менѣе страданію. Страданія разрушаютъ границы, стѣсняющія нашъ духъ и возвращаютъ насъ (уничтожая обольщеніе матеріальности) къ свойственному человѣку пониманію своей жизни какъ духовной».

Вселенское сознаніе, духъ всего міра есть Богъ. Въ человѣкѣ есть сознаніе Бога, человѣкъ сознаетъ въ себѣ духъ независимый отъ плоти. Человѣкъ сознаетъ въ себѣ Бога и долженъ служить Ему. «Мы знаемъ Бога потому, что знаемъ Его въ себѣ». Вся наша жизнь есть «проявленіе въ ограниченной формѣ того внѣпространственнаго и внѣвременнаго начала всего, которое мы сознаемъ въ себѣ».

Подлинное чувство своего «я» есть единственный путь къ уразумѣнію міра и себя въ немъ. Это тотъ мистическій индивидуализмъ, живое выраженіе котораго мы находимъ у такихъ поэтовъ-мыслителей, какъ Карлейль и Эмерсонъ, черпавшихъ познаніе изъ внутренняго эмоціальнаго опыта и переводившихъ потомъ данныя этого опыта на мысль и слово. Каковъ бы ни былъ міръ, самъ по себѣ,—говоритъ Толстой, внѣ нашихъ несовершен-

ныхъ попытокъ его уразумѣнія, какъ бы ни-улучшились орудія его познанія и наше отношеніе вслѣдствіе этого къ міру,—одно несомнѣнно:—наше личное духовное утвержденіе, то, что составляетъ наше дѣйствительное «я»—одинаково при всѣхъ временахъ и условіяхъ; сознаніе и чувство человѣческаго «я» остается неизмѣннымъ.

Отъ сознанія своего подлиннаго «я» проистекаетъ и сознаніе жизненнаго пути, направленія. Ибо это «я» не представляетъ собою чего-либо абсолютнаго, законченнаго, собой себя питающаго, вмѣщающаго въ себѣ возможность полнаго жизненнаго удовлетворенія. Именно душевный голодъ есть самая характерная черта познавшаго свою истинную природу человѣческаго «я». «Взыскующіе града», алчущія души, видящія предъ собою безконечный путь роста и внутренняго созрѣванія и осуществленія, мѣрой жажды своей и стремленія опредѣляютъ большую или меньшую духовную сознательность. Но даже и въ безсознательномъ видѣ заложено въ каждомъ человѣкѣ особое внутреннее любопытство и влеченіе къ тому, что такъ или иначе раскрываетъ ему таинственный смыслъ жизни, въ которой борются противоположныя начала. Каждый жадно спѣшитъ подъ каждую каплю познанія подставить свою чашу. И писатель очень мѣтко замѣчаетъ, что «об-

щаясь съ людьми, мы всѣ жадно ищемъ полнаго выраженія въ человѣкѣ духа и загораемся отъ его проблеска». Ибо тѣмъ самымъ мы ищемъ высвобожденія самого себя, своей подлинной сущности изъ-подъ тяжести матеріальныхъ условій существованія. Въ насъ какъ будто безсознательно, подъ спудомъ, хранится смутное убѣжденіе, что «каждый изъ насъ это—свѣтъ, божественная сущность, любовь, сынъ Божій, заключенный въ тѣло, въ предѣлы»... Въ каждомъ какъ будто слышится сознанію непрестанный зовъ: «Возвращайте душу къ сознанію своего божескаго начала и своей божеской природы».

Само собою разумѣется, что въ такомъ со знаніи себя самого заключается и уразумѣніе какъ смысла жизни и содержанія ея, такъ и принциповъ жизненнаго поведенія и всѣхъ ея задачъ. Толстой все пребываніе человѣка въ этомъ мірѣ отъ рожденія и до смерти сводитъ къ одному: «къ рожденію въ немъ духовнаго существа». Надо служить Богу, надо служить искрѣ Бога въ себѣ самомъ, надо служить собственному духовному «я», осуществляя его цѣли и влеченія.

Вмѣстѣ съ признаніемъ себя какъ частицы безконечной всемірной истины, перемѣщается и пунктъ нашего жизненнаго утвержденія. Изъ круга ограниченныхъ внѣшнихъ интересовъ и необходимостей, кончающихся

тамъ, гдѣ смыкаются границы матеріальной жизни, человѣкъ выходитъ на просторъ «универсальнаго сознанія», чувствуя себя вѣчнымъ звеномъ міра и неуничтожаемой живой частью его сущности.

Писатель исходитъ изъ утвержденія, что цѣли нашего сознанія внѣ всего мірка земной жизни, онѣ не здѣсь начались и не здѣсь кончатся. Нѣчто независящее отъ матеріи и заключающее свои цѣли въ самомъ себѣ нисходитъ изъ вѣчности и черезъ краткій промежутокъ существованія въ матеріальномъ снова возвращается къ ничѣмъ неограниченному существованію въ чистомъ духѣ.

«Истина не моя, а Божія,—говоритъ писатель,—она проходитъ черезъ меня какъ и черезъ каждаго, кто позналъ истину». Задача человѣка—«блюсти свое божеское «я» и растить его съ тѣмъ, чтобы перенести въ другую жизнь возвращеннымъ»; только въ такой цѣли,—замѣчаетъ онъ,—бодрость и радость. Какъ членъ всемірнаго царства, человѣкъ принадлежитъ Богу и долженъ быть въ Немъ въ законахъ матеріальнаго существованія и вернуться къ Нему освобожденнымъ отъ этихъ законовъ. Ибо въ земномъ матеріальномъ своемъ видѣ—формулируетъ Толстой основную идею Евангелія—человѣкъ является лишь какъ бы въ эмбріональномъ своемъ видѣ, въ немъ лишь зародышъ истиннаго «я»,

которое въ условіяхъ ограниченнаго плотскаго существованія въ полномъ своемъ видѣ развернуться не можетъ. Человѣкъ на землѣ не достигаетъ полнаго своего духовнаго роста и весь онъ—безконечное стремленіе къ полнотѣ идеальнаго созрѣванія и осуществленія. За предѣлами внѣшняго міра его «я» находитъ полное свое осуществленіе, возвращаясь къ единому Духу вселенной и сливаясь съ Нимъ. Толстой объ этомъ прямо говоритъ: «Жизнь не умѣщается въ личности, т.-е. въ земномъ «я», личность есть только видимая часть всей его жизни».

Но съ каждымъ днемъ жизни подъ солнцемъ, въ матеріальныхъ условіяхъ должно совершаться движеніе человѣческой жизни не въ плоскости, а въ высоту, только въ высоту. Человѣкъ долженъ повѣрить въ это направленіе вверхъ и освободиться отъ гипноза безкрылости. «Нужно повѣрить въ свои крылья и летѣть туда, куда они влекутъ»,—пишетъ старый писатель. И онъ раздѣляетъ людей на—совсѣмъ подчинившихся гипнозу безкрылости и этимъ уничтожившихъ свои крылья («люди міра, тяжелые, грузно проталкивающіеся кулаками и локтями въ тяжкой человѣческой суетнѣ), на людей съ тихими крыльями (монахи), на людей легкихъ и воскриленныхъ (идеалисты). «Есть еще люди съ большими сильными крыльями, спу-

скающіеся въ толпу и снова воспаряющіе и снова бьющіеся съ изломанными крыльями. Къ такимъ Толстой причисляетъ себя. «Заживутъ крылья—воспарю высоко!».

Во всѣхъ вышеприведенныхъ утвержденіяхъ относительно цѣлей человѣческаго «я» Толстой признавалъ истину универсальной, не человѣкомъ, а въ человѣкѣ рождаемой, какъ истину міра вообще. И ставилъ на видъ, что въ служеніи истинѣ — вся бодрость и вся радость человѣка, что это цѣли и универсальныя и личныя для человѣка, цѣли его души, и что въ служеніи имъ не можетъ быть сомнѣнія относительно того, что это именно мнѣ, человѣку, нужно и что я весь долженъ быть устремленъ къ истинному воплощенію и росту своего божественнаго «я».

Но, какъ это часто случается, въ религію эмоціональную врывается элементъ разсудочности; вѣрующій начинаетъ разсуждать и незамѣтно для самого себя стираетъ сіяющую пыльцу религіозныхъ чувствъ, внутреннюю поэзію личнаго душевнаго устремленія, слія-нія съ истиной и чувства ея какъ самого себя. Въ итогѣ разсужденій Толстой приходитъ къ выводу (въ томъ же очеркѣ «Зеленая палочка»), что цѣли эти не человѣка, что онѣ не могутъ быть понятны ему, а что дѣло человѣческое слѣпо и неуклонно исполнять это непонятное и ненужное, повинуясь невѣдомой

волѣ. Совершенно *забывъ* собственныя положенія о томъ, что *Бога мы рождаемъ въ себѣ, въ собственномъ сознаніи, ибо рождаемся со смутнымъ чувствомъ Его и что влеченія къ истинѣ есть наши самыя интимныя, самыя личныя цѣли,* зажигающія насъ радостью и спасающія отъ смертной пустоты и отчаянія, писатель приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

— Лично для меня, для существа, которое никогда не начиналось и всегда есть,—ничего не нужно. Жизнь моя для моего «я» не имѣетъ никакого смысла... Жизнь въ личномъ сознаніи непонятна, какъ и жизнь всего міра. Но я живу и долженъ дѣйствовать по волѣ какой-то высшей силы».

Толстой забываетъ, что вся сущность его утвержденія относительно «оживанія въ Богѣ» покоится на признаніи, что искра мірового свѣта и Свѣтъ универсальный есть одно. Что сознаніе человѣческое зажжено пониманіемъ и чувствомъ этой истины и только потому и вздымается навстрѣчу міровому солнцу Любви, ибо все живое и сознательное объединено непостижимымъ внутреннимъ познаніемъ, которое такъ же нельзя формулировать, какъ толстовское «оживаніе въ Богѣ». Быть можетъ это оживаніе и это чувство универсальной истины и любви одинъ обманъ, «золотой сонъ», но если писатель выставилъ

его, какъ постулатъ, на которомъ строится все зданіе, то нельзя подрывать его утвержденіемъ совершенно противоположнаго характера. Здѣсь мы имѣемъ примѣръ все той же двойственности Толстого, какъ человѣка эмоціи съ одной стороны и разсудка съ другой. Пускаясь по дорогѣ разсудочныхъ умозаключеній, онъ не замѣчаетъ того, совершаетъ убійственно разрушительную работу по отношенію ко всѣмъ съ такимъ трудомъ и усердіемъ воздвигавшимся имъ постройкамъ. Такъ, напримѣръ, онъ въ данномъ случаѣ, не только отрицаетъ личное пониманіе и личное душевное участіе во всеобщемъ религіозномъ существованіи міра, но высказываетъ даже сомнѣнія относительно возможности для человѣка сознанія единой и послѣдней цѣли въ мірѣ вообще. По крайней мѣрѣ, его замѣчанія относительно того, что жизнь міра «не должна быть безсмыслицей для высшей силы» похоже на выраженіе отчаянія. Вотъ это мѣсто:

«И если для меня жизнь моя непонятна и всѣ цѣли, которыя я могу ставить себѣ и міру,—безсмысленны, то жизнь моя и міра не можетъ и не должна быть безсмысленной для той высшей силы, которая послала непонятнаго себѣ—меня—въ міръ и руководитъ непонятной мнѣ жизнью міра».

II.

Эта скептическая сентенція врывается какъ нѣчто враждебное въ спиритуалистическое построеніе Толстого и звучитъ весьма сомнительно, но мы привели ее вслѣдствіе того, что насъ интересуетъ не только цѣлостное зданіе продуманной религіи писателя, но также и всѣ отклоненія въ сторону ума сильнаго и оригинальнаго, въ которомъ узкому сектанству всегда противорѣчило влеченіе отдаться свободному влеченію мысли, при полномъ отсутствіи боязни какого угодно вывода.

Но звучащее въ приведенной мысли сомнѣніе не должно быть сочтено чѣмъ-то значительнымъ для умонастроенія писателя, ибо нотка эта больше нигдѣ не звучитъ. Между тѣмъ какъ разъ навсегда поставленныя въ уголъ религіозной теоретической постройки основныя положенія повторяются неизмѣнно, сопровождаемыя въ разныхъ произведеніяхъ различной аргументаціей.

Въ общихъ чертахъ эти основныя положенія слѣдующія:

Истинное познаніе міра и себя въ немъ начинается съ проникновенія въ сущность собственнаго сознанія, собственнаго «я», личнаго моральнаго міра. Почувствовавъ истин-

ную природу своего «я», его духовную сущность, мы выводимъ положенія о мірѣ, ибо приходимъ къ тому неизбѣжному слѣдствію, что «волнующіе нашу душу законы нравственнаго міра связаны корнями своими съ невѣдомымъ«, духовнымъ, объемлющимъ міръ вообще. Матерія не опредѣляетъ ни одного мига моральнаго существованія, а, наоборотъ, сама опредѣляется силой понужденія моральныхъ законовъ. «Если разумъ, — говоритъ Толстой, — и произошелъ отъ развитія, то начало его скрывается въ безконечномъ. Въ оторвавшихся частицахъ вертящагося солнца уже былъ зародышъ разума... Значитъ, самой косной матеріи свойственно развиваться и осуществляться въ духѣ».

Если невѣдомымъ намъ путемъ изъ косной матеріи развивается сознательность и дѣятельность духа, то это лишь проявленіе міровой сознательности и общихъ законовъ духа. Толстой рисуетъ себѣ движеніе въ матеріи зародыша сознательности къ своему высшему проявленію, завершающемуся «уничтоженіемъ въ Богѣ».

«Все проходитъ, все уничтожается,—говоритъ мыслитель,— земля — пылинка, 1000 лѣтъ—минута. Все матеріальное—ничто. Одно реальное—законъ—воля Бога».

Такъ-называемые желѣзные законы естественной необходимости, законы причинъ и

слѣдствій въ матеріальномъ мірѣ Толстой въ свою очередь обусловливаетъ волей и необходимостью духовной.—Волосъ не спадетъ съ головы и ни мысли, ни чувства не возникнетъ безъ воли Бога.—Пусть указываютъ на неизбѣжность правящихъ законовъ матеріи, но, по Толстому, законъ матеріальной обусловленности есть лишь признаніе того, что все происходящее происходитъ въ предѣлахъ Высшей Воли и что воля эта разумомъ непостижима.

Цѣпь матеріалистическихъ доводовъ, доказываетъ писатель, приводитъ къ безконечности, къ безграничному пространству и времени и безпричинной причинѣ, т.-е. къ признанію вездѣсущаго, вѣчнаго, безпространственнаго Бога.

Если понужденія матеріальныхъ законовъ категоричны и оспариваемы быть не могутъ, если нельзя не подчиняться данному намъ правильному ходу естественной животной жизни, то «откуда же этотъ разумъ человѣка, устанавливающій законы, противные побужденіямъ плоти?»

Толстой останавливается на положеніи:—міромъ правитъ чистая міровая духовность, энергія которой разлита во всемъ живомъ сознательномъ, и темное влеченіе къ которой есть и въ мірѣ неорганическомъ. Міръ весь живой и въ немъ совершается непрерывный

процессъ отъ матеріальной косности къ пробужденію сознанія и къ росту его до послѣднихъ предѣловъ, послѣ чего царство духа, Бога, Любви. Любовь есть Богъ,—говоритъ Толстой.—Любовь есть проявленіе въ человѣкѣ Бога и значитъ стремленіе—«выйти изъ себя», освободиться, жить Богомъ.

Чистая стихія духа, зовущая человѣческое сознаніе къ высшему осуществленію себя, та сущность, которую ни назвать, ни объяснить нельзя, но которой человѣкъ живетъ и которую сознаетъ въ высшія минуты своей жизни,—есть Богъ. «Богъ—это то, въ стремленіи къ чему состоитъ моя жизнь и который *поэтому* и *есть* для меня. Я его назвать, понять не могу, но я знаю направленіе къ нему. Всякая попытка воображенія о томъ, что я его познаю, удаляетъ его отъ меня. Знаніе его—безъ мыслей и чертъ и опредѣленій, по существу — душевно-цѣльное, слитое съ самымъ сознаніемъ и неразлагаемое.

Богъ во мнѣ и онъ для меня не объектъ, а какъ бы субъектъ. Все, что хорошо, любишь черезъ него, такъ что живешь и любишь имъ и черезъ него».

«Изъ жизни этой я никуда не могу упасть, какъ только въ него».

Исповѣданіе Бога живого, вселенской духовности, которой я горю тѣмъ, что я живу,

мыслю и исповѣдую, создаетъ вѣчную несокрушимость моему самоутвержденію. Истина не разрушается ничѣмъ частнымъ, она есть сама вѣчность. Душа всегда остается утвержденной на ней и ни смерть, ни скорби ее не уничтожатъ.

«Умираетъ ли сынъ, погибаетъ ли то, что я люблю—вспомнишь Бога и все станетъ хорошо и ясно».

Убѣжденіе это приходитъ не со стороны и нельзя его усвоить извнѣ; ребенокъ приходитъ на свѣтъ со смутнымъ сознаніемъ истины, душа человѣческая, выражаясь словами святыхъ отцовъ церкви,—христіанка. Нужно дать ростъ зерну религіознаго сознанія, заложенному въ каждой душѣ.

Жизнь въ законахъ плоти, матеріи Толстой считаетъ стѣснительной, тюремной для сознанія. Совпадая въ выраженіи этой мысли съ нѣсколькими мыслителями, проповѣдовавшими аскезу, возобладаніе духовности надъ ослабленнымъ насильно тѣломъ, Толстой опирается здѣсь ни на какія-либо умозаключенія, а, какъ это довольно явственно звучитъ у художника, на опытъ чувствъ. Самосозерцательность, художественная внимательность къ явленіямъ міра и въ томъ числѣ къ самому себѣ, не разъ служила подспорьемъ Толстому-мыслителю, и тамъ, гдѣ онъ опирается на опытъ беллетриста, на прони-

кновеніе психолога, онъ особенно силенъ и устойчивъ. И въ этомъ сомнительномъ и остромъ вопросѣ Толстой твердитъ свое убѣжденіе съ такой настойчивостью, съ такимъ упрямствомъ и силой, что невольно вспоминаются всѣ его художественныя признанія и рисунки, обличающія силу здоровой и грубой плоти, мучительную борьбу съ ней духа и необходимость считаться съ ней какъ съ бдительнымъ и неумолимымъ врагомъ.

«Каждый изъ насъ своей личностью заслоняетъ тотъ свѣтъ, который носитъ въ себѣ,—говоритъ Толстой,—и умереть физически часто содѣйствуетъ тому свѣту, въ которомъ сосредоточена жизнь». Мыслитель зоветъ смерть, какъ освобожденіе и переходъ къ вѣчности, въ стихію, родную душѣ.

Нашъ данный намъ божественный свѣтъ тускло свѣтится въ жизни и нѣтъ возможности въ условіяхъ нашего міра горѣть яркимъ и полнымъ свѣтомъ. Но когда бываютъ моменты такого ощущенія, «словно стоишь на краю смерти,—жизнь разгорается именно такимъ полнымъ свѣтомъ».

«Жизнь—есть сонъ, а смерть—пробужденіе души для болѣе реальнаго міра».

Сознаніе въ высшія свои минуты рвется къ той безбрежности, которая есть единственно ея стихія. Въ насъ не умираетъ влеченіе къ безконечному, и всѣ проявленія красоты,

творчества и благоговѣнія, душевнаго восторга и озаренія волнуютъ насъ тщетнымъ усиліемъ къ чему-то недостижимому, въ чемъ волнующее насъ чувство находитъ высшее свое разрѣшеніе. Это «богъ, который будучи заключенъ въ предѣлы отдѣльнаго существа —человѣка, сознаетъ себя и эти предѣлы и стремится разорвать то, что связываетъ его», это богъ въ человѣкѣ, божественное сознаніе въ немъ стремится къ безпредѣльности.

Сумѣй развить до возможной высоты зародышъ, данный вмѣстѣ съ жизнью, божественнаго сознанія, исповѣдуй Бога-Любовь и самъ будь частицей Бога-Любви, проводи въ жизнь завѣтъ отреченія во имя высшаго и любви ко всему живому и, поднявшись до предѣла душевнаго роста въ условіяхъ плотскаго существованія, открой свою дверь къ жизни въ вѣчномъ.

Таковы основные принципы отношеній человѣческаго «я» къ міру по Толстому. «Ученіе мое,—говоритъ онъ,—открываетъ единство жизни и представляетъ ее не какъ отдѣльныя побѣги, а какъ единое дерево, на которомъ растутъ всякіе побѣги».

ГЛАВА V.

КАКЪ И ЧѢМЪ ЖИТЬ.

I.

Вѣра досталась Толстому не въ свободномъ и радостномъ озареніи, безъ борьбы и трудовъ, не сердцемъ онъ ее добылъ, а тяжелымъ и мучительнымъ головнымъ напряженіемъ. Ему нужно было мыслью разобраться въ хаосѣ разнорѣчивыхъ чувствъ, владѣвшихъ имъ въ тяжкій періодъ сомнѣній и внутреннихъ исканій, и, такъ сказать, обнажить среди всего этого хаоса чувство умиранія въ безбожіи и воскресенія въ Богѣ. Само по себѣ чувство его повелительно не было и своимъ появленіемъ оно не повело категорически Толстого по новому пути. За шумомъ мыслей онъ голоса сердца не услышалъ, и нужно было, чтобы мозгъ докопался до этой мысли, ясно осозналъ ее и представилъ, какъ аргументъ внутренней достовѣрности. Тогда мыслитель ее увидѣлъ и ей довѣрился.

Но бунтъ сердца былъ великъ и оно ни

мыслителю, ни художнику не давало покоя. Оно оторвало его отъ всѣхъ наслажденій міра, отъ великихъ удовлетвореній геніальной художественной работы, отъ спокойныхъ трудовъ мыслителя. Разъ познавъ въ себѣ этого внутренняго человѣка, являющагося чистой сущностью его души, его совѣстью, Толстой долженъ былъ его слышать и слушаться, подъ страхомъ тѣхъ невыносимыхъ мученій, о которыхъ самъ онъ повѣдалъ въ своей исповѣди и въ статьѣ по поводу Московской переписи. Эта статья знаменательна для психологіи всѣхъ его религіозныхъ и моральныхъ переживаній, она даетъ ключъ къ уразумѣнію цѣлой области этихъ переживаній.

Вліяніе Сократовскаго демона, власть моральнаго императива писатель, какъ мы знаемъ, ощущалъ съ ранняго дѣтства и сгибался подъ этой властью, послушно дѣлая не одинъ разъ попытки жить въ строгомъ согласіи съ безсознательными внутренними велѣніями. Но впослѣдствіи вліяніе этого демона души стало сказываться страшными нравственными потрясеніями, душевной болью, тоской, которой нѣтъ предѣла. Все внутреннее существо писателя потрясало съ силой безумной и нужно удивляться тѣмъ мелкимъ незримымъ цѣпямъ, которыя удержали его отъ поступковъ крайняго самоотреченія. По крайней мѣрѣ воспоминанія писателя о тѣхъ време-

нахъ, когда онъ буквально заболѣлъ жалостью, скорбью, возмущеніемъ противъ жестокости и вопіющей неправды міра, возмущеніемъ противъ самого себя и всего вокругъ, слишкомъ краснорѣчивы. Побывавъ въ московскихъ ночлежкахъ, увидя вокругъ тысячи оборваныхъ, голодныхъ, павшихъ въ униженіе и позоръ людей, живущихъ хуже собакъ, писателю было дико придти домой, увидѣть богатство, сытость, комфортъ и, главное, спокойствіе, спокойствіе, когда тутъ же за нѣсколько шаговъ—мерзость, униженіе и дикій голодъ тысячъ людей. У Толстого открылись глаза разъ навсегда, открылись какъ у всѣхъ религіозныхъ реформаторовъ, разъ познавшихъ міръ и отвернувшихся отъ него.

Этотъ демонъ, внутренній человѣкъ, эта тоска неправой жизни, неправды своего «я», свойственны каждому человѣку, и моменты такого «пробужденія души», сопровождаемыя тоской, бунтомъ, возмущеніемъ и порывами вырваться изъ тисковъ обычности, не разъ описывались беллетристами. Но разница отдѣльныхъ натуръ сказывается въ силѣ этихъ внутреннихъ сотрясеній и понудительныхъ влеченій души. У Толстого это приняло размѣръ и силы такіе, противъ которыхъ бороться было нельзя. Душа предъявила свои исключительныя права на жизнь.

И въ тѣхъ канонахъ, которые Толстой уста-

новилъ для жизни, не выходящей изъ единственно правильныхъ нормъ, есть двойственность, есть противорѣчіе, подобное тому, которое мы отмѣтили относительно исповѣданія имъ своей вѣры. Религія вдохновенная, безсознательная, и религія, сплошь осознанная разсудкомъ, огражденная его рогатками, встрѣчаетъ насъ и здѣсь. Измученность отъ блужданій въ пустотѣ и безвѣріи, взрывы потрясающей тоски и душевной боли сдѣлали то, что писатель, какъ защиты отъ этихъ бурь и грозъ, отъ этихъ казней, избралъ категорическую сухую нравственную догму. Онъ призналъ надъ собой страшную карающую руку того, кого онъ назвалъ Хозяиномъ міра, и поспѣшилъ вывести всѣ нормы поведенія—работника, человѣка. Взаимоотношенія повелителя души и тѣла, давшаго законы человѣческой жизни, и работника, исполняющаго ихъ безпрекословно,—возвелъ Толстой въ основной принципъ своего ученія о жизни.

Въ то же время, воспринимая свой свѣтъ не только мыслью, но и горячимъ чувствомъ, онъ же оставилъ цѣлый рядъ указаній на жизнь религіозную, сущность которой въ непроизвольномъ, личномъ, радостномъ сліяніи человѣческаго «я» съ единой истиной Бога. Мы обратимся вначалѣ къ разсмотрѣнію положеній объ обязательныхъ нравственныхъ нормахъ жизни, выведенныхъ разсудочно.

Что нормы разсудочные не успокаивали и не давали сердцу отдыха въ постигнутой истинѣ, видно изъ того, что старый писатель до конца жизни думаетъ и ищетъ отдыха, спокойствія, точки жизни абсолютно утвержденной въ духѣ. Здѣсь сказывается все та же боязнь пережитыхъ метаній, тоски, безпокойства, кошмара душевнаго. Въ своихъ письмахъ писатель описываетъ одинъ изъ приступовъ такой тоски:

«Третьяго дня въ ночь вдругъ на меня напала тоска, страхъ, ужасъ такіе, какихъ я никогда не испытывалъ. Я вскочилъ, велѣлъ закладывать».

И въ другомъ мѣстѣ: «Каждый день въ шесть часовъ вечера начинается тоска, какъ лихорадка, тоска физическая, ощущеніе, котораго я не могу лучше передать, какъ то, что душа съ тѣломъ разстается». Тоска эта все умерщвляла въ душѣ и въ жизни. «На все смотрю какъ мертвый».

И каждый разъ, когда слабѣло ощущеніе міровыхъ мистическихъ цѣлей и жизнь разстилалась передъ мысленнымъ взоромъ въ предѣлахъ человѣческихъ достиженій и желаній, все тускнѣло внутри писателя, тоска подымалась такая, точно «душа съ тѣломъ разставалась», и живой интересъ къ міру исчезалъ,—на все «смотрю какъ мертвый».

Но выводя отсюда разумомъ добытые, ло-

гически устойчивые законы относительно хозяина и работника, писатель упускалъ изъ виду, что самъ же онъ на этомъ пути пришелъ къ признанію того, что человѣку цѣли міра и даже его собственной жизни—чужды и непонятны и не могутъ быть по природѣ его близки и понятны. Такимъ образомъ жизнь все равно ограничивалась въ своемъ содержаніи тѣмъ, что входило въ кругъ человѣческаго. Не смущаясь этимъ заколдованнымъ кругомъ, Толстой все-таки шелъ впередъ въ направленіи христіанскихъ нормъ, ибо проповѣдь закона любви и высшаго самоотреченія во имя цѣлей неземныхъ, безсознательно освѣщала для него эту новую жизнь свѣтомъ высшихъ и безпредѣльныхъ долженствованій. Но проповѣдовалъ онъ покорность высшей волѣ и терпѣливую работу виноградаря въ виноградникѣ хозяина. Работа эта какъ-будто чужда работнику, навязана ему, но здѣсь—абсолютная власть и подчиненіе.

Чѣмъ убѣждаетъ писатель работника подчиняться и трудиться въ виноградникѣ хозяина? Не во имя собственнаго горѣнія душевнаго и личныхъ желаній духа, осуществляй волю Бога, а потому что только въ случаѣ исполненія этой воли будетъ тебѣ, человѣку, хорошо. Здѣсь что-то въ родѣ утилита-

ризма, писатель приглашаетъ трудиться во исполненіе договора: вотъ трудъ, а вотъ плата.

«Люди становятся несчастны, когда вообразятъ, что жизнь—ихъ собственная и каждый можетъ сдѣлать съ ней что хочетъ, не исполняя того, что хотѣлъ отъ него Богъ, давшій ему жизнь».

«Человѣкъ долженъ понять, что онъ не хозяинъ своей жизни, а рабъ и сынъ Бога».

И Евангельское велѣніе, обращенное къ самопроизвольному влеченію души человѣческой: «Ищите царства Божія и правды Его», —писатель трактуетъ въ духѣ даннаго имъ положенія о взаимоотношеніи хозяина и работника. «Ты слуга, рабъ, орудіе Бога и вмѣстѣ съ тѣмъ сынъ Его».

Слѣдуй велѣнію Духа и исполни все, что дано тебѣ исполнить. Свое собственное писаніе Толстой объясняетъ тѣмъ, что «только страхъ не исполнить того, что хочетъ отъ меня Тотъ, Кто послалъ меня въ этотъ міръ, къ Которому я каждый часъ жду своего возвращенія» побуждаетъ его работать надъ своими поученіями и разъясненіями истины.

«Имѣйте въ виду только вѣчное начало истины и добра, по волѣ котораго пришли мы въ этотъ міръ и очень скоро какъ тѣлесныя существа исчезнемъ изъ него».

Своей цѣлью писательской Толстой ставитъ —показать, что положеніе человѣка таково,

что ему больше дѣлать нечего, какъ исполнять волю пославшаго и значитъ отдавать жизнь служенію людямъ. «Помни, что ты работникъ дѣла Божьяго».

Въ строгихъ слѣдствіяхъ отсюда Толстой доходитъ до того, что изгоняетъ радость и наслажденіе изъ жизни, какъ нѣчто такое, чему въ жизни просто-напросто нѣтъ мѣста, ибо вся человѣческая жизнь есть не что иное, какъ работа, данная творцомъ, путь внутренняго роста и духовнаго освобожденія. Опредѣляются цѣли только работы и только служенія. Непосредственное ощущеніе жизни, какъ радость и даже наслажденія духа въ его осуществленіяхъ, въ порывахъ уничтожается. Писатель напуганъ моральной казнью за неправый путь, напуганъ собственными бурями и взрывами и ищетъ каменной твердой стѣны нормъ и уставовъ. «Жизнь по христіанскому ученію,—говоритъ онъ,—есть ни радость, ни страданіе, а есть рожденіе и рость истиннаго духовнаго «я» человѣка, при которомъ не можетъ быть ни радости, ни страданія». Не впадаетъ ли тутъ мыслитель до нѣкоторой степени въ буддизмъ? Духовное ликованіе, свободное влеченіе души къ Свѣту и высшій экстатическій восторгъ сліянія со свѣтомъ—предполагается ученіемъ Христа явно.

Не вразрѣзъ ли также съ подлиннымъ хри-

стіанствомъ, на которое онъ опирается, идетъ Толстой, когда указываетъ на необходимость для человѣка отречься отъ личнаго самоутвержденія, уничтожить свое «я», быть какимъ-то безличнымъ орудіемъ высшей, управляющей имъ воли? Надо утвердиться, говоритъ онъ, на отреченіи отъ себя и тогда будетъ прочное и истинное утвержденіе.

Что-то покорно-монашеское, смиренное и въ то же время неглубокое, разсудочное звучитъ въ его проповѣди 1882 года:

«Нужно жить по-Божьи, отрекаться отъ всѣхъ утѣхъ жизни, трудиться, смиряться, терпѣть и быть милостивымъ».

Жизнь—это не наша жизнь, разсуждаетъ онъ, и мы не можемъ судить объ истинной ея сущности, ибо для этого надо быть не человѣкомъ, а больше, чѣмъ человѣкомъ, чтобы знать жизнь всю и опредѣлять ее какъ она есть. Мы будемъ заблуждаться относительно нея такъ же, какъ заблуждаются относительно истинной дороги жизни палачъ или сумасшедшій, засѣвшій въ темную загаженную комнату. Мы заключены въ раковину ограниченнаго кругозора и пониманія жизни, мы не можемъ возвыситься надъ данной намъ высотой и широтой пониманія, примемъ же, что смыслъ жизни не въ насъ и что наше дѣло—дѣло любви и служенія человѣчеству». Только не ждать ничего ни съ неба, ни съ земли,

а самимъ перестать губить себя». Отвлечься отъ круговорота внѣшнихъ дѣлъ и цѣлей, ростить душу, опрощать жизнь, обрѣзывая нити хаотическихъ связей съ внѣшнимъ міромъ, со всѣми этими дѣлами служебнаго, коммерческаго, политическаго, чувственнаго міра. Надо остановиться, оглядѣться, увидѣть, въ какой хаосъ ненужнаго и погибельнаго вы попали и заняться прежде всего освобожденіемъ. При чемъ—«не слѣдуетъ увлекаться мыслью о пробужденіи другихъ, къ истинѣ, надо въ себѣ разжечь огонь и тогда другіе сами собой будутъ зажигаться».

Здѣсь Толстымъ брошена геніальная мысль, ясно говорящая о проникновеніи въ психологію человѣческихъ чувствъ и взаимоотношеній. Онъ понимаетъ, что нарочитая проповѣдь, дѣйствующая на мысль, на логику, на мозгъ, не имѣетъ большой волевой силы и представляетъ собой силу довольно пассивную. И что только тогда, когда огонекъ сознанія зажигается самопроизвольно, вспыхиваетъ въ душѣ вліяніемъ силъ, которыхъ учесть и сознать нельзя, тогда только это огонь настоящій и обѣщающій могучее горѣніе.

Уже зажженное сознаніе, свѣтящее какъ бы для себя и только для себя, полнотой своихъ внутреннихъ силъ, красотой своей жизни, каждаго мгновенія — сильнѣй ка-

сается души другого, чѣмъ любое поучающее и разъясняющее слово. Молчаливое присутствіе праведника, а также исполняемый имъ для себя весь строй его жизни имѣетъ въ себѣ какую-то неощутимую внутреннюю убѣдительность, болѣе могучую, чѣмъ слово. Толстой это зналъ и тѣмъ не менѣе не явилъ собой примѣръ личнаго непосредственнаго служенія, по чему тосковалъ всю свою жизнь и къ чему звали его настойчиво всѣ искренно и вдумчиво его слушавшіе, а ограничивался словомъ, но это-то онъ и называлъ своимъ тягчайшимъ крестомъ.

Свое новое утвержденіе человѣкъ толстовскаго толка долженъ былъ бы формулировать слѣдующимъ образомъ: —Я пришелъ во внутреннемъ своемъ къ себѣ, вернулся къ чистой сущности своей души. Теперь все дѣло моей жизни сводится только къ одному: къ «внутреннему дѣланію» въ самомъ себѣ. Мои цѣли заключены во мнѣ и только во мнѣ. Я долженъ знать себя, свою внутреннюю жизнь и только ее. Мои заботы о другихъ должны свестись къ заботамъ о моемъ внутреннемъ «я». Здѣсь—«крѣпкій берегъ» и мѣсто глубокаго душевнаго успокоенія.

Рядъ приведенныхъ положеній установилъ своими переживаніями Толстой. Выше я останавливался на психологической связи установленныхъ имъ нравственныхъ нормъ

съ пережитыми душевными потрясеніями, на жаждѣ отдыха и незыблемаго душевнаго устоя. Въ 1884 году въ статьѣ «Что дѣлать» Толстой самъ опредѣленно говоритъ о своемъ страхѣ передъ этими, не дающими жить, метаніями и бурями души и жаждѣ оградиться отъ нихъ какими-либо дѣйственными канонами и установленіями. «Что дѣлать?—спрашиваетъ онъ,—начать съ себя:—физическій трудъ, очищеніе своей совѣсти въ общемъ дѣлѣ. *Необходимо успокоиться на правдѣ: безъ этого ни сѣсть, ни лечь нельзя,*—безпокойно.

И приплывъ къ своему крѣпкому берегу, писатель сравнительно успокаивается, онъ позналъ тишину, устроилъ свое «я» и старается неуклонно жить по правиламъ. Здѣсь овладѣваетъ имъ съ силой опредѣляющей стихія раціональнаго. Въ особенности первые годы послѣ переворота онъ подчиняется руководительству разсудка и какъ послушное дитя старается идти, не отступая ни на шагъ отъ принятыхъ установленій. Онъ боится сбиться съ пути и снова попасть въ хаосъ пережитыхъ сомнѣній и бурь. Такъ какъ внутренній инстинктъ смутенъ и кромѣ того даетъ себя чувствовать только въ особыя минуты душевныхъ подъемовъ и внутренней ясности, то писатель отдается во власть всѣмъ логическимъ слѣдствіямъ изъ основ-

ного положенія своего о вѣрѣ. Онъ охраняетъ свое спокойствіе изъ всѣхъ силъ и, какъ монахъ на послушаніи исполняетъ свою «службу», онъ дѣйствуетъ раціонально, его религія—хозяина и работника, велѣній и послушанія. Выполнилъ свою задачу—и тебѣ хорошо и спокойно. Вотъ утренній ритуалъ, описанный самимъ Толстымъ:

«Читаю по утрамъ «Отче нашъ» и твержу тексты о любви. Задаю себѣ вопросы: точно ли я вѣрю, что я въ Богѣ и Богъ во мнѣ? И что жизнь въ увеличеніи любви? Правда ли, что я не хочу жить для похоти и для славы». Потомъ слѣдуютъ поученія: берегись искушеній, тщеславія, объяденія и пр. Такъ я молюсь каждый день,—заканчиваетъ свое письмо отъ 1901 года Толстой.

Онъ твердитъ тексты любви, какъ-будто этотъ великій психологъ никогда не зналъ, что заповѣдь любви жива и дѣйственна только какъ чувство, и мертва какъ текстъ, сколько ее ни тверди и ни заучивай. Онъ спрашиваетъ себя ежедневно по утрамъ, свободенъ ли онъ отъ похотей и отъ желаній славы, какъ-будто сдвигъ его личнаго утвержденія не совершился и онъ хочетъ утвердиться на словахъ.

Его заботы—приготовить свой маленькій ручеекъ къ великому сліянію съ универсальнымъ и уничтожиться въ немъ; эти заботы

касаются только долженствованій въ земной жизни. Толстой—раціоналистъ не знаетъ понятій: я хочу, меня влечетъ, онъ упоминаетъ лишь о томъ, что—я долженъ, отъ меня требуютъ. Человѣческое я онъ лишаетъ внѣвременныхъ цѣлей, ибо ставитъ надъ нимъ опекуна, который все знаетъ за человѣка и требуетъ отъ него слѣпоты и пассивности. Раціоналистическое религіозное ученіе Толстого весьма сходственно съ Іудаизмомъ, опредѣляющимъ верховную единую Волю и склоняющагося передъ ней во прахъ и смиренно выполняющаго ее человѣка.

Но на ряду съ этимъ въ трактатахъ о брошюрахъ Толстого встаетъ передъ нами ученіе совершенно иного рода, отражающее какъ бы другое «я» мыслителя, «я» не раціоналиста и не измученнаго человѣка, жаждущаго спокойствія и отрады душевной, а вдохновеннаго исповѣдника религіи сердца, свободной личности и универсальной въ одно и то же время религіи, слитой съ внутреннимъ вдохновеніемъ жизни и истекающей оттуда.

II.

Жизнь должна быть вдохновеннымъ служеніемъ и каждый человѣкъ долженъ быть священникомъ Бога живого. Не ходите на

какой-нибудь часокъ изъ своего базара въ храмъ, но жизнь свою всю—отъ глубины внутренней и до внѣшняго—освятите и вознесите. Служите Богу жизнью, горите Ему.

Здѣсь читатель встрѣчаетъ какъ бы совершенно иное ученіе, тезисы и аргументы котораго мы выдѣлили изъ страницъ Толстого, гдѣ они перемѣшаны съ утвержденіями противоположнаго характера, дабы яснѣе представить жившіе въ немъ разнорѣчивыя умонастроенія и утвержденія. Послѣ положеній чисто догматическаго характера, требующихъ пассивнаго головного уясненія и подчиненія, встрѣчаемся съ призывомъ къ вдохновенію вѣры, къ высокому строю жизни въ Духѣ.

Выставляя положеніе о свободной вдохновенной жизни въ Богѣ, независимой отъ тяжкихъ заботъ о матеріальномъ, какъ жизнь птицы и лиліи, Толстой рѣшительно забываетъ свой завѣтъ труда, оставаясь вѣрнымъ только логическимъ послѣдствіямъ изъ даннаго выдвинутаго положенія. Онъ проводитъ идею объ освобожденіи человѣка отъ матеріальнаго процесса жизни, необходимость освободить жизнь для настоящей жизни. Мало того: онъ не останавливается передъ слѣдующимъ выводомъ изъ Евангелія: «Работа—грѣхъ, ...идеалъ Христа — не жать и не сѣять»...

Въ связи съ этимъ и зарождается въ Толстомъ его завѣтнѣйшая, его горячая и страстная мечта—освободиться и жить во временномъ, какъ въ вѣчномъ, каждую секунду давая душѣ свободу высшаго проявленія и радуясь каждой минутѣ такой жизни.— «Быть бѣднымъ, быть нищимъ, — говоритъ онъ, — быть бродягой—это то самое, чему училъ насъ Христосъ, безъ чего нельзя войти въ Царство Бога, нельзя быть счастливымъ здѣсь на землѣ».

Его преслѣдуетъ теперь мысль о неизреченной сладости отреченія во имя высшей свободы и высшей полноты жизни освобожденной души. «Все, что прежде казалось мнѣ высокимъ и хорошимъ: образованіе, богатство, сложность и утонченность жизни,— стало для меня дурнымъ и низкимъ, а мужичество, бѣдность, неизвѣстность, простота,— хорошимъ и высокимъ.

И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше освобождался писатель отъ догматизма, тѣмъ сильнѣе становилась мечта о высшемъ свободномъ самоопредѣленіи и, наконецъ, въ глубокой старости, незадолго до смертнаго часа, разрѣшилась порывомъ къ этому освобожденію. Не разъ онъ снова и снова формулируетъ свою мечту о свободной бѣдности, отрывающей отъ мелкаго человѣческаго хаоса. «Чтобы исполнить волю Отца, надо

не бояться быть нищимъ и презрѣннымъ, надо радоваться этому, чтобы показать людямъ, въ чемъ истинное благо».

Служеніе Богу деревенскихъ юродивыхъ въ самоотреченіи отъ всего вплоть до разума, ихъ голодъ, убожество, страданія и утвержденія на смутныхъ инстинктахъ и прозрѣніяхъ, находитъ въ Толстомъ оригинальнаго истолкователя:—«Задача жизни юродивыхъ такая высокая,—говоритъ онъ,—что я радъ, что съ дѣтства безсознательно научился понимать высоту ихъ подвига. Ихъ высокая задача—вызвать презрѣніе людей».

Но въ чемъ живая сущность жизни, чѣмъ она заполнится? Ужели только самосозерцаніемъ и непрестаннымъ выслѣживаніемъ поступковъ своего «я»? Толстой рекомендуетъ заботы исключительно о своемъ собственномъ внутреннемъ мірѣ, о личномъ моральномъ совершенствованіи, но въ то же время указываетъ опредѣленное содержаніе жизни, долженствующей быть сплошь отданной на служеніе своему ближнему.

Но мотивами этого служенія не всегда приводятся приведенныя выше о добываемомъ такой цѣной спокойствіи, а также о полезности подобной дѣятельности, являющейся исполненіемъ воли Хозяина. Какъ и въ своихъ разсказахъ и повѣстяхъ послѣднихъ лѣтъ, гдѣ стихія Добра ярко и опредѣ-

ленно рисуется въ своемъ воздѣйствіи на человѣческое сознаніе, словно нѣкое солнце, озаряющее жизнь и дающее радость и счастье человѣку, такъ и въ теоретическихъ сочиненіяхъ онъ сходитъ съ позиціи догматика и раціоналиста, высчитывающаго пользу и необходимость добрыхъ дѣлъ, и говоритъ о свободномъ и страстномъ влеченіи къ добру, захватывающемъ душу и дающемъ ей высшее удовлетвореніе.

«Можешь ли ты быть спокоенъ за твоимъ чаемъ, обѣдомъ, за твоимъ врачебнымъ, учительскимъ, художественнымъ дѣломъ,—когда подлѣ умираютъ отъ голода и холода».

Разъ міръ неустроенъ, нельзя жить своимъ и нужно отдаться дѣламъ міра. Все равно душа не закроетъ своего слуха отъ стоновъ и криковъ о спасеніи и будетъ потрясена и возмущена ими и не найдетъ ни одной минуты спокойствія. Поэтому не старайся наглухо закрывать свои двери, а, наоборотъ, открой и иди туда, откуда слышны крики. Сдѣлай это и убѣдись, что только на это душа согласна и всему остальному противится, ибо стихнетъ въ ней возмущеніе и нетерпѣливое настойчивое стремленіе куда-то. «Попробуй кормить и одѣвать другихъ и ты почувствуешь, что ты дома, что тебѣ свободно, прочно и что идти больше некуда». «Состраданіе,—говоритъ онъ,—есть сознаніе нарушенія за-

кона единенія, къ которому стремится все». Отсюда выводитъ онъ это неодолимое безпокойство души, жаждущей устранить то, что нарушаетъ великое единеніе живыхъ въ мірѣ, и отстраняющей всякое личное дѣло. Душа требуетъ этого потому, что именно это ея дѣло, къ которому она, по увѣренію мыслителя, призвана самой природой своей. Въ этомъ она живетъ, этимъ питается и растетъ. «Нельзя дѣлать добрыхъ дѣлъ, увеличивающихъ любовь, безъ того, чтобы не увеличить свой талантъ, свою душу, и нельзя увеличивать любовь въ душѣ безъ того, чтобы не дѣлать добра людямъ, увеличивая въ нихъ любовь. Одно зависитъ отъ другого».

Чѣмъ постигается правда сдѣланнаго, откуда увѣренность, что это именно то, что нужно? Толстой отвѣчаетъ аргументомъ отъ чувствъ :«Душа знаетъ о своей правотѣ радостью».

Законъ любви и служенія людямъ приводитъ его въ восторгъ, раціоналистъ и догматикъ въ немъ окончательно уничтожаются и онъ, какъ музыку, слушаетъ слова молитвы, благословляющей Бога за этотъ даръ-законъ: «Славлю Тебя Отче, Господь неба и земли, что ты утаилъ сіе отъ мудрыхъ, разумныхъ и открылъ намъ, младенцамъ»... Высшимъ пунктомъ Евангельскихъ откровеній считаетъ онъ великій призывъ Христа къ обреме-

ненным и страдающимъ всего міра. Здѣсь не простое дѣло милосердія и жалости, но откровеніе того вселенскаго единенія людей, о которомъ я уже приводилъ цитату писателя. «Придите ко мнѣ, всѣ трудящіеся и обремененные, и я успокою васъ. Возьмите иго мое на себя и научитесь отъ меня, ибо я кротокъ и смиренъ сердцемъ и найдете покой душамъ вашимъ. Иго мое—благо и бремя мое легко».

Въ любви выявляется божественное начало, въ человѣкѣ выявляется самъ Богъ. Инстинктъ единенія людей въ любви есть внутреннее влеченіе къ завершенію человѣческой жизни высшимъ проявленіемъ въ Духѣ-Любви. Ибо человѣкъ не самъ по себѣ, но какъ орудіе Бога. «Человѣкъ не есть самобытное, себя удовлетворяющее существо, а есть посланникъ Бога; человѣку служить себѣ нельзя, онъ служитъ высшему. Потерявшій свою жизнь—спасетъ ее».

Но въ то же время Толстой, дѣлая прямые выводы отсюда, отрицаетъ за человѣкомъ лишь пассивную, слѣпо-исполнительную роль работника. Онъ—орудіе Бога, но выполняя Его волю, онъ дѣйствуетъ по свободному влеченію своей души. Онъ можетъ идти и наперекоръ высшей волѣ, утверждая волю не духовную, а низменную, конечно волю, удовлетворяющую инстинкты тѣла. Но сіяющая

радость, заливающая душу апостоловъ Бога живого, есть показатель совпаденія въ ихъ душѣ ихъ частной воли и воли универсальной. И жизнь человѣческая оказывается съ точки зрѣнія этой мистической позиціи Толстого не пріуготовленіемъ только къ сліянію съ Богомъ, но и въ этой частной стадіи имѣющей самостоятельное для человѣка значеніе. Будучи истиннымъ органомъ Духа и выполняя свою провиденціальную роль, человѣкъ въ то же время процессомъ своего существованія и служенія своего въ жизни долженъ быть поглощенъ и насыщенъ, какъ нѣкоей самоцѣлью. Его жизнь сдѣлается радостью и къ этому чистому процессу истинаго бытія не нужно готовиться искусомъ, не нужно напрасно тратить дни на приготовленія, надо спѣшить жить высшей божественной радостью и вступить въ эту жизнь съ первымъ же проблескомъ сознанія ея.

«Человѣкъ долженъ, не откладывая, жить всякую минуту всѣми своими силами, настоящимъ для Бога... для этого служенія человѣкъ пришелъ въ міръ».

«Если вы пропустите эту жизнь, ее нельзя вернуть»...

На землѣ можно жить какъ въ осуществленномъ Царствѣ Бога, насытивъ свои дни выполненіемъ высшей воли. «Царство Бога есть ваша свобода жить въ этомъ мірѣ какъ

сыны, а не какъ рабы, ваша свобода жить подлиннымъ».

Путь осуществленія этой Воли, путь земной жизни неограниченъ въ содержаніи своемъ, онъ ограниченъ только физически—бытіемъ тѣла человѣческаго, частной формы сознательнаго «я». Человѣкъ могъ бы двигаться вѣчно въ этомъ направленіи, ибо цѣли этого пути здѣсь, на землѣ, нѣтъ, есть, говоритъ мыслитель, только путь, только направленіе.

«Цѣль есть понятіе, ограничивающее жизнь духа и духу не можетъ быть поставлена, а значитъ и жизни міра, въ которой живъ духъ. «Для міра вообще есть только жизнь, для людей только—путь».

Оптимистическое ученіе Толстого отвергаетъ всякія злыя начала въ жизни,—силою истиннаго исповѣданія духа уничтожается зло, а страданіе служитъ самому добру, служитъ духу и перерождается въ сіющую и непобѣдимую радость. Толстой-мистикъ забылъ слова Толстого-раціоналиста, что въ христіанствѣ нѣтъ ни радости, ни страданія, и послѣднее слово его мистическаго ученія есть—радость. «Жизнь не можетъ имѣть другой цѣли, какъ благо, какъ радость». И въ другомъ мѣстѣ—«Отреченіе, крестъ—все для радости».

И даже смерть—«переходъ къ новой радо-

сти». Въ жизни же есть источники, дающіе радость красоты никогда неизсякаемые: природы, животныхъ, людей. И главное—любовь».

Добро и красота должны быть соединены, одно безъ другого—отвратительно. «Добро безъ красоты—мучительно, красота безъ добра—отвратительна. Красота — вѣнецъ добра».

III.

Бросающіяся въ глаза при систематическомъ прослѣживаніи противорѣчія въ толстовскомъ ученіи примиряются въ его большомъ и сложномъ «я», въ которомъ давали временный перевѣсъ другъ другу начала противоположныя. То онъ раціоналистъ, борющійся съ офиціальной церковностью; догматикъ, хватающійся за посылки раціоналистическія въ жаждѣ отдыха отъ мучительныхъ душевныхъ бурь; то онъ мистикъ, исповѣдующій вдохновенную религію любви и служеніе человѣка—искры божественной—всемірному Свѣту. Толстой не былъ прямолинеенъ и не могъ идти неуклонно впередъ, не оборачиваясь по сторонамъ и не хватаясь за все, къ чему влекли его интересы ума и сердца. Онъ искалъ самъ лично, трагедія исканій и сомнѣній была его личная трагедія, онъ пережилъ ее такъ, какъ-будто до него

никто не приходилъ къ «крѣпкой пристани» религіи и не исповѣдовалъ Духа-Любовь. «Мнѣ самому одному надо жить, самому одному и умереть». Онъ ничего не бралъ завѣщаннаго, ничему не могъ повѣрить, ничего не могъ принять, какъ освѣщенное чьимъ-либо свидѣтельствомъ о достовѣрности. Невѣрный Ѳома былъ силенъ въ Толстомъ и не могъ не приложить перстовъ своего разумѣнія ко всему, что представало сознанію. Матеріаломъ познанія могъ для него служить лишь его личный жизненный опытъ, и до тѣхъ поръ, пока его мысль не вырвала изъ хаоса его чувствъ идею о возможности жить только въ религіи духа и не выставила ее какъ аргументъ внутренней непосредственной достовѣрности этой религіи, до тѣхъ поръ ничьи исповѣданія, ничьи молитвы, никакія метафизическія и мистическія ученія и никакія бесѣды со старцами и монахами ничему помочь не могли. Онъ могъ принять только свое и не отъ разума, а отъ внутренняго чувства.

И точкой его утвержденія было чистое мистическое исповѣданіе вѣры, которую «умомъ не обнять», не осознать, но которая вторгалась въ его внѣшнюю дѣйствительность и давала себя знать могучимъ возрождающимъ чувствомъ жизни, а также воздѣйствіемъ на человѣческую душу особой стихіи

добра, излучающейся изъ настоящихъ людскихъ сношеній. Но когда принятъ былъ этотъ пунктъ мистическаго утвержденія, въ работу духа вторгся разсудокъ и ему довѣрился писатель. Слѣдовало ожидать, что какъ у настоящаго мистика—у Толстого—умъ и внутреннія интимно-душевныя переживанія будутъ въ полномъ единствѣ и что мысль будетъ только простой выразительницей того, что создается и рѣпается тамъ—въ этомъ внутреннемъ міркѣ религіозныхъ эмоцій. Но великій аналитикъ не стѣснилъ критической мысли въ ея свободномъ движеніи, умъ его пошелъ отдѣльной дорогой и отсюда расхожденія Толстого-мистика и Толстого-раціоналиста. Давая свободное выраженіе своего религіознаго ученія, писатель отвлекался борьбой и проповѣдью, его сила логическая и критическая нужны ему были не для поясненія и изложенія, а для полемики, для борьбы. Религія и жизнь должны быть—одно и то же. Дѣйствительность показываетъ иное, и писатель сливаетъ въ одно бурныя войны съ міромъ и попутныя изложенія своихъ основъ. На почвѣ конкретнаго приложенія своего ученія къ жизни, Толстой долженъ былъ сходить съ мистическихъ высотъ и проповѣдническая каѳедра освобождалась для раціоналиста, призывавшаго къ критической провѣркѣ принятыхъ догмъ и завѣтовъ.

Но даже по отношенію къ самому себѣ, къ практической программѣ собственной жизни въ духѣ исповѣдуемаго ученія, Толстой обращался къ твердымъ догмамъ, къ формуламъ, добытымъ разсудочно, и усердно провозглашалъ теорію хозяина и работника. Эта теорія была какъ бы крѣпкимъ мостомъ, по которому можно было идти, не сбиваясь въ сторону, и различая ее самымъ обыкновеннымъ простымъ взглядомъ.

Но дѣло не могло ограничится этой простой формулой въ виду одного того, что предпосылкой всего являлось утвержденіе чисто мистическаго характера, что основной завѣтъ жизни, божественная стихія ея—Любовь—въ рамки обычныхъ реальныхъ долженствованій человѣка не укладывалась, а звала его куда-то въ безконечность отъ того виноградника, въ которомъ работникъ долженъ былъ послушно исполнять свою работу. Категорическій императивъ для Толстого не былъ дѣйствителенъ, онъ исповѣдовалъ восторгъ и сіяющую радость сердца, экстазъ, которому нѣтъ мѣста при властвованіи точнаго и холоднаго моральнаго императива.

Вѣдь идею служенія людямъ и добра онъ могъ позаимствовать изъ источниковъ столь обильныхъ, что ихъ и искать нечего было. Но писателя очевидно не удовлетворяла только

лишь идея добра и справедливости, онъ хотѣлъ связать ее съ тѣмъ универсальнымъ источникомъ добраго и разумнаго, которымъ однимъ должно биться въ жизни человѣческое сердца. Поле дѣятельности милосердія и любви передъ нимъ широко было открыто и тогда, когда онъ метался въ пустотѣ и сомнѣніи:—нужно ли жить, когда въ жизни такъ пусто,—и когда онъ приготовилъ веревку и боялся взглянуть на ружье. *Очевидно, добро само по себѣ въ предѣлахъ интересовъ и дѣлъ человѣческой жизни удовлетворить его не могло.* Ему нужно было расширить цѣли человѣческой жизни до безпредѣльности и самое добро, самое служеніе людямъ любовью сдѣлать только средствомъ высшаго роста души и единенія людей въ высшемъ ихъ духовномъ осуществленіи.

Поэтому-то послѣднимъ словомъ Толстого было слово мистика, и это слѣдуетъ признать не изъ пристрастія къ опредѣленному міросозерцанію, а какъ фактъ, подтверждаемый жизнью и творчествомъ писателя.

Вліяніе его художественно-философскихъ и религіозныхъ сочиненій увеличивается сдѣлавшейся достояніемъ исторіи картиной его пророчески мощной духовной алчбы, силой его бурныхъ метаній и мученій, выбросившихъ, какъ буря съ морского дна, жемчужину его религіознаго утвержденія.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

„Посмертныя произведенія“.

Среди посмертныхъ художественныхъ произведеній Толстого находимъ такую жемчужину подлиннаго толстовскаго творчества, какъ повѣсть «Отецъ Сергій». Ни въ «Воскресеніи», ни въ другихъ вещахъ Толстого, проникнутыхъ христіанской моралью, нѣтъ такого чудеснаго благоуханія живой страстно вѣрящей души, такой влюбленности въ Добро, такого волнующаго вдохновенія въ простомъ и художественно-чистомъ выраженіи жизненныхъ идей.

Въ современную литературу, которая есть литература, по преимуществу, не волнующая сердца и совершенно далекая отъ того, чтобы вліять на непосредственную жизнь и на сознаніе и волю читателя, ворвалось нѣчто высшее, чѣмъ литература, имѣющее дѣйственную могучую силу.

Такимъ бываетъ вообще произведеніе, написанное не въ обычныхъ литературныхъ цѣляхъ, но вылившееся, какъ результатъ глубокаго внутренняго броженія, страстной ду-

шевной жизни. Въ сущности, весь второй томъ этихъ посмертныхъ произведеній художника, діалоги дѣтей о правдѣ и о неправедной жизни, пьеса—«И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ», въ которой полно отражена личная трагедія Толстого, и повѣсть «Отецъ Сергій»—есть не литература въ обычномъ значеніи этого слова, а художественная исповѣдь личной душевной жизни, сплошной разсказъ о горѣніи и мукѣ души, объ усиліяхъ осуществить душевное призваніе и о борьбѣ за него.

Но страницы эти поражаютъ не только высокимъ темпомъ отраженной въ нихъ внутренней жизни, огнемъ, положительно обжигающимъ при чтеніи, непрерывно-горящей, требовательной и взволнованной души, но также и неслыханнымъ теперь совершенствомъ художественнаго рисунка и дивной простотой письма. Страницы въ «Отцѣ Сергіи», гдѣ послѣ тонкой сцены обольщенія наростаетъ съ внезапной силой подъемъ душевной энергіи, внутренняго моральнаго вдохновенія, показываютъ, какъ старый художникъ умѣлъ пользоваться той выразительностью, которую придаетъ сценѣ простое соотношеніе частей, ея компановка. Кромѣ того въ самомъ рисункѣ, напримѣръ, той же сцены обольщенія, сколько совершенно самостоятельныхъ чертъ и штриховъ, такъ просто и выразительно пере-

дающихъ душевныя состоянія героевъ и ихъ внѣшнія положенія. Именно теперь въ этомъ отношеніи выработался у насъ своего рода художественный трафаретъ, котораго не избѣгаютъ даже лучшіе современные беллетристы. Толстой идетъ мимо всего этого и вслушивается въ геніальную художественную интуицію, которая диктуетъ ему слова и жесты героевъ, исполненныя свѣжести и правды жизни.

Забравшаяся въ келью монаха-пустынника веселая, красивая и безшабашная женщина наполняетъ ее мгновенно чѣмъ-то вздорнымъ, веселымъ, легкомысленнымъ и смѣшливымъ, —въ передачѣ всего этого Толстой обнаружилъ поражающее искусство своего карандаша художника. Ни одного невѣрнаго штриха. Полное отсутствіе той фальшивой торжественности, которую непремѣнно внесъ бы любой беллетристъ, надъ которымъ тяготѣло бы это сильное и эффектное евангельское сказаніе, внесенное въ центръ сцены. Героиня Толстого со смѣхомъ стаскиваетъ съ себя мокрый шлюпающій ботикъ, шуршитъ юбками, пробѣгаетъ босыми ногами по холодному полу,—и все это исполнено тонкими чертами обольщенія, разсчитаннаго на суроваго аскета, которому отъ шороха одеждъ въ сосѣдней кельѣ женщины страшнымъ хмѣлемъ бросается въ голову кровь. И когда на ея зовъ

аскетъ выходитъ и въ коридорчикѣ рубитъ топоромъ себѣ палецъ, это старое и не разъ использованное сказаніе дѣйствуетъ на читателя какъ внезапный ударъ. Поразительно выявлена здѣсь торжествующая сила человѣческаго духа, страдающаго, строгаго, озареннаго радостью отъ чувства своей силы. Сцена эта такова, какой она могла выйти только у писателя пламенно исповѣдующаго вѣру въ Бога-Добро, алчущаго служенія, вѣчно взволнованнаго прекраснѣйшей мечтой о жертвѣ и о полномъ служеніи Добру своей жизнью.

Но Толстой не удовлетворился этимъ эффектомъ, въ немъ не угасалъ требовательный и проницательный психологъ, и онъ продолжаетъ слѣдить за внутренней жизнью этого сильнаго человѣка, который прямотой и вѣрой сталъ извѣстенъ уже далеко по градамъ и весямъ и собиралъ вокругъ себя толпы болящаго и жаждущаго духовно люда. Въ душѣ стараго аскета писатель подмѣчаетъ неумирающее честолюбіе, и, думается, въ этомъ есть много автобіографическаго. Писатель былъ неумолимъ къ слабостямъ человѣческимъ и излѣчивался отъ нихъ жестокимъ признаніемъ мельчайшихъ поползновеній. Подмѣчаетъ онъ здѣсь, какъ человѣкъ большой силы, именно тѣмъ, что онъ силенъ и нуженъ своей силой народу, подвергается

опекѣ лилипутовъ, опутывающихъ его цѣпями слабостей и мелкихъ привычекъ. Такъ старца аскета начинаютъ заботливо и изощренно кормить, подъ предлогомъ, что поститься ему нельзя, ибо всѣ силы его нужны народу, окружаютъ его непрерывнымъ благоговѣніемъ и воздаютъ ему на каждомъ шагу тотъ самый почетъ, который былъ однимъ изъ внутреннихъ враговъ старца, преодолѣвшаго всѣ соблазны и обольщенія міра. Все это разрѣшается кошмарной трагедіей. Толстой-художникъ и Толстой-моралистъ, признавая неодолимую и полную силу за началомъ духовнымъ, въ то же время чрезвычайно серьзно и глубоко считаются съ соблазнами плотской похоти, признавая ее такой силой, которая одолѣваетъ или можетъ порой одолѣть временно самую сіяющую духовность. И старецъ Толстого, который живетъ пустынникомъ и аскетомъ, совершаетъ уже чудеса исцѣленія возложеніемъ рукъ и молитвой, прославился строгостью и святостью жизни, вдругъ позорно падаетъ въ моментъ физическаго и моральнаго упадка силъ и совершаетъ грѣхъ со слабоумной дѣвушкой, приведенной къ нему на исцѣленіе. Пораженный тѣмъ, что вся его жизнь съ этого момента перевернулась и обезобразилась, онъ уходитъ изъ своего скита подъ вліяніемъ сна, направившаго его къ родственницѣ, бѣдной женщинѣ, от-

давшей всю свою жизнь на нужды окружающихъ ее людей. Выслушавъ смиренный разсказъ ея о своей жизни, полной заботъ, огорченій и трудовъ для другихъ, старецъ приходитъ къ той истинѣ, которая была основной идеей даннаго произведенія и которую Толстой выразилъ въ своей записной книжкѣ такъ:—«Нѣтъ успокоенія ни тому, который живетъ среди мірскихъ цѣлей для людей, ни тому, кто живетъ для духовныхъ цѣлей одинъ. Успокоеніе только тогда, когда человѣкъ живетъ для служенія Богу среди людей».

Повѣсть эта написана въ 1890 году, и всѣ произведенія позднѣйшія носятъ на себѣ печать упадка художественныхъ силъ; въ этой же повѣсти великій талантъ правды и простоты изобразительности еще въ своемъ полномъ цвѣтѣ. Проникнутая вся жизнью духа, поклоненіемъ началу Добра, словно озаренная ясными лучами вѣры въ Добро, повѣсть эта, подобно немногимъ лучшимъ произведеніямъ литратуры, можетъ на искреннюю душу и порывистую волю повліять въ томъ смыслѣ, чтобы увлечь на новый путь новой жизни, заставить съ такой же радостью и полной вѣрой отречься отъ ветхаго человѣка, отъ круговорота мелкой пошлой жизни, исполненной ежедневнаго рабства и лицемѣрія, и пойти осуществлять то призваніе человѣка, въ которое вѣрилъ Толстой.

Съ его смертью замолкъ единственный голосъ, указывавшій намъ на возможность освобожденія отъ нашего нескончаемаго, томительнаго и внутренняго и внѣшняго рабства. Не разъ отмахивались мы отъ этого упрямаго, убѣжденнаго голоса, не разъ бѣжали отъ него въ другія области мысли и къ другимъ идеологіямъ,—но въ концѣ-концовъ, сравнительно съ сухостью и убожествомъ современной идейной жизни—какая свѣжесть и какая сила была въ этомъ призывѣ стараго писателя!

По тому духу, который проникаетъ центральныя сцены «Отца Сергія», эта повѣсть напоминаетъ исповѣдь отца Зосимы въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» и волнуетъ тѣмъ же вдохновеннымъ призывомъ подчинить жизнь вдохновенію Добра, за которую мы такъ цѣнимъ Достоевскаго.

II.

Задумавъ написать пьесу «И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ», Толстой, повидимому, хотѣлъ повѣдать міру исторію своей душевной борьбы и сущность принятаго имъ на себя креста. Пьеса до того совпадаетъ съ пережитой художникомъ дѣйствительностью, что нѣкоторыя реплики героя—Николая Ивановича—содержатъ въ себѣ мысли, изложенныя въ

послѣднемъ письмѣ Толстого, оставленномъ имъ женѣ при «уходѣ» изъ Ясной Поляны. Къ сожалѣнію, часть и наиболѣе жизненная этого психологическаго матеріала изъята редакторомъ изданія, такъ какъ онъ «по существующимъ условіямъ не имѣлъ возможности напечатать цѣликомъ это произведеніе... пришлось выпустить болѣе третьей части всей пьесы. Наибольшіе выпуски сдѣланы въ третьемъ дѣйствіи».

Конфликтъ, который возникаетъ между героемъ пьесы и его женой и всей семьей,— тотъ самый, который не разрѣшилъ до послѣдняго года своей жизни самъ писатель. Николай Ивановичъ Сарындовъ, подъ вліяніемъ чтенія Евангелія, рѣшается жить по правдѣ и избавиться отъ того кошмара, которымъ представляется ему обезпеченная и сытая жизнь среди голодающихъ и страдающихъ людей, изъ которыхъ нѣкоторые, наряженные въ смѣшные фраки, какъ рабы служатъ за стульями его, его жены и дѣтей. Праздная, сытая, тупая жизнь лицомъ къ лицу съ голодными и гибнущими кажется ему невыносимой, и когда жена упрямо твердитъ ему, что онъ на старости лѣтъ, раздавъ имѣніе и деньги, хочетъ сдѣлать ее кухаркой, а дѣтей нищими, онъ отвѣчаетъ, что, наоборотъ, спасти ее и дѣтей онъ хочетъ отъ кошмара. Какъ художникъ, Толстой съ

большой объективностью подчеркиваетъ это непониманіе двухъ людей, аргументы каждаго изъ которыхъ кажутся неотразимыми. Хорошо передана наивная вѣра Николая Ивановича въ то, что истину его, сіяющую какъ бѣлый день, онъ легко и просто уяснитъ каждому, а въ особенности близкимъ, какъ жена и дѣти, и полное отчаяніе его въ возможности растолковать эту простую истину любимымъ людямъ.

Первыя же филантропическія мѣры Николая Ивановича приводятъ въ ужасъ его жену —Марью Ивановну, которая видитъ въ этомъ начало разоренія семьи. Выписываются родственники, священникъ убѣждать «свихнувшагося» героя, и, по выраженію его, въ интимный міръ его и жены вторгаются чужіе люди. Въ то же время подъ вліяніемъ простой и глубокой убѣжденности Николая Ивановича женихъ его дочери начинаетъ проводить его идеи въ жизни, отказывается отъ несенія военной службы и попадаетъ въ дисциплинарный батальонъ. Въ концѣ-концовъ, результатами своей новой жизни Николай Ивановичъ къ ужасу своему видитъ гибель славнаго молодого человѣка, горе и озлобленіе его матери и глубокій разрывъ со своей семьей, причиняющій много страданій обѣимъ сторонамъ. Но это не колеблетъ Николая Ивановича въ его рѣшеніи. Онъ задумываетъ

уйти отъ семьи, доѣхать до ближайшей станціи со знакомымъ Александромъ Петровичемъ, а потомъ пѣшкомъ пойти на Кавказъ. Семьѣ же оставить объясняющее его уходъ письмо.

Бурное объясненіе съ женой, умоляющей его «терпѣть», ибо «недолго ужъ намъ осталось жить», упрекающей его, мужа, въ эгоизмѣ и въ томъ, что онъ мучаетъ ее и дѣтей, разрѣшается тѣмъ, что герой пьесы не выдерживаетъ и передъ натискомъ женщины, которую любилъ и съ которой жилъ столько лѣтъ, снова отодвигаетъ осуществленіе идеала своей личной жизни. Въ отвѣтъ на увѣщанія жены говоритъ:—«Жизнь здѣсь вся развращенная. Не могу я видѣть, какъ люди взрослые, какъ рабы, наряженные во фраки, служатъ намъ. Каждый обѣдъ для меня страданье. Не могу я съ тѣхъ поръ, какъ я понялъ, что всѣ мы братья, и уже не могу не видѣть этого и не страдать».

Здѣсь снова вспоминается чудесный мотивъ, глубоко и остро разработанный Достоевскимъ въ тѣхъ главахъ «Братьевъ Карамазовыхъ», гдѣ описывается душевное перерожденіе Зосимы и вносимое имъ въ міръ новое ясное отношеніе къ человѣку. Разъ принята Евангельская истина о всеобщемъ братствѣ людей въ истинѣ и въ одной верховной цѣли, сразу мѣняются всѣ отношенія и весь

укладъ жизни. Великая утопія повелѣваетъ придать священную значительность каждому человѣческому «я», каждому живому сознанію, являющемуся искоркой всеобщей истины. Вѣруя въ эту истину, герой Толстого, какъ и самъ авторъ пьесы «Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ», не можетъ видѣть рабскаго услуженія одного человѣка другому и считаетъ, что онъ развращаетъ души своихъ дѣтей, позволяя имъ пользоваться этими услугами людей-рабовъ. Вытѣсняемый изъ управленія домомъ супругой Марьей Ивановной, въ которой нельзя не признать энергичной и властной женщины, хотя авторъ объ этомъ и не упоминаетъ, Николай Ивановичъ подписываетъ по ея настоянію бумагу о передачѣ въ ея руки всѣхъ владѣній и отстраняется какъ отъ веденія хозяйства, такъ и отъ воспитанія дѣтей, которыя становятся ему чужими. Выносящій скрѣпя сердце весь укладъ дома, все враждебное и чужое, что совершалось въ немъ, герой пьесы рѣшаетъ, наконецъ, бросить эту борьбу и уйти самому. Но, какъ было указано, всѣ аргументы его разбиваются о слезы, просьбы, увѣщанія и мольбы, а подъ конецъ и угрозы жены, оказавшейся болѣе настойчивой, чѣмъ онъ, и добивающейся всѣми средствами желаемаго.—«Маша! отпусти меня,—говоритъ ей Николай Ивановичъ,—я пытался участвовать въ вашей жизни, внести

въ нее то, что составляетъ для меня всю жизнь. Но это невозможно. Выходитъ только то, что я мучаю васъ и мучаю себя. Не только мучаю себя, но гублю все, что дѣлаю. Мнѣ всякій имѣетъ право сказать и говоритъ, что я обманщикъ, что я говорю, но не дѣлаю, что я проповѣдую евангельскую бѣдность, а самъ живу въ роскоши подъ предлогомъ, что я отдалъ все женѣ».—Въ отвѣтъ на это жена его проситъ быть «выше этихъ упрековъ» и терпѣть.

Пьеса эта лишена силы и паѳоса, котораго въ правѣ былъ бы ожидать читатель въ произведеніи, имѣющемъ въ основѣ—идею о высшемъ призваніи человѣческой личности. Старый писатель просто и нѣсколько вяло разсказалъ пережитую трагедію, которая въ непосредственной жизни не переставала его бурно волновать и мучить. И безъ того было ясно, какъ огульны и психологически грубы и наивны были обвиненія, направленныя противъ Толстого за его якобы лицемѣріе. Пьеса же эта окончательно устанавливаетъ тотъ фактъ, что въ рѣшеніи Толстого остаться въ семьѣ и отодвинуть идеалы своей личной жизни заключаются мотивы чисто моральнаго и даже аскетическаго характера. Во всякомъ случаѣ, рѣшающую роль въ этомъ играли побужденія психологическаго характера: на стараго писателя само собой дѣйствовали ар-

гументы, направленные къ его жалости, къ его чуткости душевной. Слишкомъ широкій и слишкомъ внимательный, какъ художникъ, къ чужому сознанію, чтобы быть прямолинейнымъ и суровымъ исполнителемъ собственнаго призванія, Толстой колебался между счастьемъ своимъ и счастьемъ другихъ. Не даромъ его лучшая повѣсть старческихъ лѣтъ—«Отецъ Сергій»—написана на тему о томъ, что надо служить Богу не въ уединеніи и не личной святостью, а единственно лишь черезъ дѣйствительную любовь къ людямъ, среди людей, а не уходя отъ нихъ. И какъ въ своемъ старцѣ Сергіи, человѣкѣ сильной и страстно устремленной воли, писатель неустанно подмѣчаетъ черты человѣческой слабости и одержимости всѣми мелкими побужденіями и пороками, такъ и самъ онъ не перестаетъ колебаться и бороться, подыматься и падать, поддерживая въ себѣ среди того, что его угнетало, раздражало, любовь къ людямъ, терпимость и духъ любовнаго служенія. Проблему истины о служеніи посредствомъ личной святости или посредствомъ служенія на міру людямъ Толстой такъ и не рѣшилъ до конца дней своихъ. Во всякомъ случаѣ, мечта объ «уходѣ» и тихой, нетревожной жизни, озаренной религіознымъ глубокимъ созерцаніемъ, жила въ его душѣ, и лежалъ приготовленнымъ поход-

ный костюмъ и сохранялось письмо, написанное за двадцать лѣтъ до того. Свыше двадцати лѣтъ писатель чувствовалъ неумолкающій въ душѣ его голосъ, побуждающій уйти отъ близкихъ и далекихъ въ одно и то же время людей и знать прежде всего необходимости своей души. Евангельскія слова, понуждающія оторваться отъ жены и дѣтей, дабы слушаться только своей души, были страшно дѣйственны и для Толстого. И онъ съ исполинской силой боролся съ ними десятки лѣтъ. Онъ самъ говорилъ, что выбралъ наитяжелѣйшій крестъ, что для него было легче уйти, чѣмъ остаться. И въ самомъ дѣлѣ, оставался на муку, на укоры, на издѣвательства, на обвиненія въ фарисействѣ и фальши, оставался въ семьѣ, какъ на лобномъ мѣстѣ, вынося пытку страшнаго разлада между словомъ и дѣломъ. И доказательствомъ жившей въ его душѣ мечты служитъ то, что достаточно было лишняго повода, чтобы душа уже стараго, дряхлаго человѣка съ юношеской силой возмутилась и старое завѣтное рѣшеніе —доѣхать до ближайшей станціи, а тамъ идти пѣшкомъ на Кавказъ—было немедленно приведено въ исполненіе. Именно тогда, когда внѣшнее съ такой неодолимой силой властвуетъ надъ человѣкомъ просто потому, что онъ становится безпомощенъ и слабъ,—въ старости,—именно тогда Толстой показалъ

полную власть своего духа, своего генія надъ немощной плотью. Если бы не случайная смерть въ Астаповѣ, Толстой двигался бы, какъ его знаменитый и чтимый отецъ Сергій пѣшкомъ, въ пыли и грязи, смиренный, ясный и вошедшій въ полную гармонію со всѣмъ міромъ.

Какъ конецъ его геніальнаго романа—закончилась эта бурная жизнь писателя, которая никогда не была спокойной и благодушной, а всегда отмѣчена была волненіемъ, вдохновеніемъ, исполнена была мучительнаго огня и стремленій ненасытнаго духа. Вся эта жизнь, начиная съ дѣтства, когда проснулись моральныя исканія, была непрерывнымъ служеніемъ духу истины и правды. Томы посмертныхъ сочиненій Толстого напомнили намъ объ этой изумительной жизни писателя, переросшаго литературу и сливщаго ее съ глубинами внутренней личной жизни.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Отъ автора.
Гл. 1.—Путь жизни и мысли.
„ 2.—Христосъ и Его ученіе.
„ 3.—Вѣра и разумъ.
„ 4.—Міръ и внутреннее „Я“.
„ 5.—Какъ и чѣмъ жить.
Приложеніе:—Посмертныя произведенія.

Московская Центральная
Публичная Библиотека

Цѣна выпуска 15 коп.

Открыта предварительная подписка на льготныхъ условіяхъ на

полное собраніе сочиненій

АЛЬФОНСА ДОДЭ.

Въ новыхъ переводахъ В. Андреевой, М. А. Андреевой, К. М. Жихаревой, М. П. Негрескулъ, І. А. Маевскаго, Александры Чеботаревской и др.

20 томовъ, стоймостью въ **25** руб.; по предварительной подпискѣ—**20** руб. съ пересылкой и доставкой.

Вышли слѣдующіе томы:

Т. I. Сафо, ром., перев. Ал. Чеботаревской. **Ц. 1 р.**
Т. II. Короля въ Изгнаніи, ром. пер. М. П. Негрескулъ. **Ц. 1 р. 50 к.**
Т. III. Евангелистика, ром., пер. Вероники Андреевой **Ц 1 руб.**
Т. VI. Фромонъ младшій и Ризлеръ старшій ром. **Ц 1 р. 50 к.**
Т. V. Тартарэнъ изъ Тараскона (печатается) **Ц 1 р.**
Т. VI. Нума Руместанъ, ром. (печатается) **Ц. 1 р. 25 к.**

Флорентійскія Конференціи.

ЛЕОНАРДО да ВИНЧИ.

Воскресеніе твореній Леонардо.—Воспитаніе Леонардо.—Л. какъ художникъ.—Л. въ исторіи опытныхъ наукъ.—Л. какъ архитекторъ.—Л. какъ біологъ и анатомъ—Л. какъ филосовъ.—Л. какъ писатель.—Аэропланъ Леонардо да Винчи.

Роскошное изданіе съ многочисленными снимками.

Цѣна 3 рубля.

В. Н. Гартевельдъ.

Среди сыпучихъ песковъ и отрубленныхъ головъ
(путевые очерки Туркестана, 1913 г.).

Цѣна 1 руб.

Х. Спурелъ.

ПАТРІОТИЗМЪ съ біологической точки зрѣнія.

Цѣна 80 коп.

(Печатается).

Сергѣй Глаголь.

„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА“

(45 выпусковъ)

1. **Рерихъ.**
2. **Малявинъ.**
3. **Левитанъ.**
4. **Сѣровъ.**

Съ многочисленными иллюстраціями фототипіей и въ краскахъ.

Цѣна каждой книжки 60 коп.

(Печатается).

Проф. **Т. ТУКЕРЪ. — Жизнь въ древнемъ Римѣ во времена Нерона и Св. Павла.**
Съ многочисленными рисунками, планами и географ. картами.

Проф. **Т. ТУКЕРЪ.—Жизнь въ древнихъ Аѳинахъ.**

Книгоиздательство І. А. МАЕВСКАГО.
Москва, Скатертный пер., № 27. Тел. 5-30-33.

Джэкъ Лондонъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

АВТОРИЗОВАННОЕ ИЗДАНІЕ.

Въ силу состоявшагося соглашенія съ авторомъ, новѣйшія произведенія Д. Лондона будутъ переводиться для этого изданія **съ рукописей.**

Томъ I. БѢЛОЕ БЕЗМОЛВІЕ. (Клондайскіе разсказы). **Изд. 2-е.** Съ иллюстраціями. **Цѣна 1 руб.**

Томъ II. ЗАКОНЪ ЖИЗНИ. (Аляскинскіе разсказы). **Изд. 2-е.** Съ иллюстраціями. **Цѣна 1 руб.**

Томъ III. МОРСКОЙ ВОЛКЪ. (Романъ), съ иллюстраціями. **Изд. 3-е.** **Цѣна 1 р. 25 к.**

Томъ IV. МАРТИНЪ ИДЭНЪ. (Романъ). **Изд. 2-е.** **Цѣна 1 р. 50 к.**

Томъ V. СЫНЪ СВѢТА. (Ром). **Изд. 2-е. Цѣна 1 р. 25 к.**

Томъ VI. БОГЪ ОТЦОВЪ. (Клондайскіе разск.). **Изд. 2-е.** **Цѣна 1 руб.**

Томъ VII. ПРИКЛЮЧЕНІЕ. (Ром.). **Изд. 2-е. Цѣна 1 руб.**

Томъ VIII. КОГДА СМѢЮТСЯ БОГИ. (Разск.). **Цѣна 1 руб.**

Томъ IX. ПРИКЛЮЧЕНІЯ РЫБАЧЬЯГО ПАТРУЛЯ. (Раз.). **Изд. 2-е.** Съ иллюстраціями. **Цѣна 1 руб.**

Томъ X. 1. ГОЛОСЪ КРОВИ. Съ иллюстраціями. **2. Батаръ. 3. Сивашъ.** **Цѣна 1 руб**

Томъ XI. ЛУННЫЙ ЛИКЪ. (Разск.). **Цѣна 1 руб.**

Томъ XII. ДОЧЬ СНѢГОВЪ. (Романъ). Съ иллюстр. изд. 2-ое. **Цѣна 1 руб.**

Томъ XIII. БѢЛЫЙ КЛЫКЪ. **Цѣна 1 руб.**

Томъ XIV. ДОРОГА. Автобіографическіе очерки. Съ иллюстраціями. изд. 2-ое **Цѣна 1 р. 25 к.**

Томъ XV. ЛЮБОВЬ КЪ ЖИЗНИ. Изд. 2-е. **Цѣна 1 руб.**

Томъ XVI. СЫНЪ СОЛНЦА. Океанскіе разсказы (съ иллюстраціями). **Цѣна 1 руб.**

Томъ XVII. ГАВАЙСКІЕ РАЗСКАЗЫ. Съ иллюстр. **Цѣна 1 руб.**

Томъ XVIII. ДО АДАМА. **Цѣна 1 руб.**

Томъ XIX. ПУТЕШЕСТВІЕ Д. ЛОНДОНА НА „СНАРКѢ“ **Цѣна 1 р. 25 к.**

Томъ XX. БОРЬБА КЛАССОВЪ. **Цѣна 1 руб.**

НАТАНІЭЛЬ ХАУТОРНЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I.—БАГРОВЫЙ ЗНАКЪ.
(Романъ).
Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ II.—БЛИТДЭЙЛЪ.
(Романъ).
Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ III.—МРАМОРНЫЙ ФАВНЪ
(Повѣсти).
Цѣна 1 р. 50 к.

Летучая Энциклопедія.

Вып. 1—Рафаэль. 2—Леонардо да Винчи. 3—Микель Анджело. 4—Бёрнъ-Джонсъ. 5—Мурильо. 6—Боттичелли. 7—Рембрандтъ. 8—Бёклинъ. 9— В Васнецовъ. 10—Левитанъ. 11—Врубель. 12—Ге. 13—А. А. Ивановъ. 14—Брюлловъ. 15—Суриковъ. 16—Айвазовскій. 17—Крамской. 18—Венеціановъ. 19—Верещагинъ. 20—Перовъ. 21—Нестеровъ. 22—Семирадскій и др.

Печатается: Мантенья, Джіорджіоне, Верди, Шопенъ и др.
Печатается: Хлоръ, Сѣра, Углеродъ, Дарвинизмъ и др.

Книгоиздательство І. А. МАЕВСКАГО.
Москва, Скатертный пер., 27. Тел. 530-33.

„Летучая Энциклопедія“.

вып.	вып.
1. *Рафаэль.*	14. *Брюлловъ.*
2. *Леонардо да Винчи.*	15. *Суриковъ.*
3. *Микель Анджело.*	16. *Венеціановъ.*
4. *Бёрнъ-Джонсъ.*	17. *Айвазовскій.*
5. *Мурильо.*	18. *Крамской.*
6. *Боттичелли.*	19. *Нестеровъ.*
7. *Рембрандтъ.*	20. *Мантенья.*
8. *Бёклинъ.*	21. *Передвижники.*
9. *М. Васнецовъ.*	22. *Верещагинъ.*
10. *Левитанъ.*	23. *Тиціанъ.*
11. *Врубель.*	24. *Джіорджіоне.*
12. *Ге.*	25. *Перовъ.*
13. *А. А. Ивановъ.*	26. *Рѣпинъ и др.*

МУЗЫКА:—Верди, Шопенъ, Моцартъ и др.

ХИМІЯ:

1.—Сѣра. 2.—Хлоръ. 3.—Углеродъ. 4.—Радій. 5.—Азотъ и др.

ГОТОВЯТСЯ ОТДѢЛЫ:

Исторія.	*Медицина.*
Литература.	*Отечествовѣдѣніе.*
Философія.	*Путеводители и т. д.*

Каждый мѣсяцъ выходитъ 4—6 новыхъ выпусковъ.
Цѣна каждаго выпуска—15 коп.

ЦѢНА 60 КОП.

Изланія имѣются на складѣ: **въ Москвѣ:** Кн. маг. „Наука“, Б Никитская; Кн. маг. „Образованіе“, Кузнецкій Мостъ; Кн маг. „Звено“, Б. Никитская; Кн. маг. Т-ва Вольфъ, Карбасникова, Суворина.—**Въ Петербургѣ:** Кн. скл. „Земля“, Невскій 55; кв. 14. Кн. маг. М. А. Яснаго, Невскій 66; Кн скл „Жизнь и Знаніе“, Фонтанка 38.

Продаются во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ Имперіи и въ кіоскахъ жел. дорожныхъ станцій.

ТИП. П. П. РЯБУШИНСКАГО МОСКВА.